

Ирина Фронкина

СНЕЖНЫЙ БАРС ЧУДЕСА СВОИМИ РУКАМИ

Текстовый мини-сериал в духе аниме

ОТ АВТОРА

«Снежный Барс: чудеса своими руками» – вторая история о семействе лис-оборотней Накадзима. Эта небольшая новелла является своеобразной интермедией между первой и третьей частью текстового сериала «Снежный Барс».

Отдельного тезауруса по этому тексту нет, поскольку специфические термины и понятия, использованные здесь, фигурировали в первой новелле, опубликованной на сайте автора <http://rena.pp.ru> в 2014 году.

Ирина Фронкина, 2016 г

Эпизод 1: октябрь, 29-е

Тора никогда не считал Хэллоуин сколько-нибудь важным праздником ни для людей, ни – тем более! – для обакэ. Дома вообще не вспоминали про европейский шабаш, и лишь Ичиро на прошлых выходных протянул язык: мол, приближается единственный день в году, когда он имеет право легально «сверкать клыками направо и налево». Отец тут же заметил, что дома он может сверкать любыми нечеловеческими частями тела 365 дней в году, а заодно воспользовался случаем попенять ему и Рику за то, что те появляются в поместье только чтобы попрактиковаться в магии, перевернуть вверх дном додзё и пообщаться с братьями в домашней бане. На сём тема Хэллоуина была закрыта раз и, казалось, навсегда.

Какого же было удивление Торы, когда он узнал, что новомодное веяние отмечать христианский День Всех Святых просочилось в школу.

Като и Фума дружно поворотили носы, когда в понедельник во время классного часа староста Минами Саки заявила, что, поскольку, братья Накадзима никогда не участвуют в школьных мероприятиях, им поручается генеральная уборка в классе, а все остальные будут готовиться к самостоятельному школьному фестивалю. Обида старосты, равно как и других активистов класса, была понятна: недавно Тора, Като и Фума отказались участвовать в школьной спартакиаде, приуроченной к национальному дню физкультуры. Инициатором отказа был Тора, убежденный, что спортивное соревнование с участием ёкаев априорно станет нечестным. Близнецы безоговорочно поддержали брата. Но отец, выслушав пояснения сыновей, покачал головой и сказал: «Безусловно, вы сильнее, быстрее, ловчее всех своих одноклассников. И полностью согласен: мухлевать – это отвратительно. Однако наша задача установить честный, двухсторонний, взаимовыгодный контакт с людьми. Вы упустили шанс сделать еще один шаг навстречу людям». Тора промолчал, ибо свою ошибку понял. А близнецы полезли на рожон, требуя объяснить, какой-такой шаг в данной ситуации им, ёкаям, следовало сделать. Отец многозначительно прищурился и заявил: «Думайте. Подсказывать не буду». Като и Фума надулись, а Тора уяснил, что конкретного ответа у отца в тот момент просто не было.

Про своё участие в фестивале близнецы Накадзима думать не собирались, а Торе с недавних пор было не до праздников – отец объявил старшим сыновьям, что начинает подготовку проекта по созданию уникального медико-диагностического центра и намерен «воспитать лидеров в кратчайшие сроки». Юдзо надлежало готовиться к работе финансового директора, а Тора вменялось в обязанность стать руководителем предметной сферы. «Сказано – сделано» – таков был принцип Накадзимы-старшего везде и во всем. Тора и Юдзо оглянуться не успели, как очутились в цепких воспитательных когтях неумоимого папы. А поскольку давно сдружились так, что получили от братьев прозвище «белая парочка», взваленные на каждого обязанности автоматически помножились на два и разделились на четыре плеча.

В эту среду глава Дома вручил своим «воспитанникам» файлы с образцами всевозможных документов и заявил: «Бюрократия – неотъемлемая часть современного социума». После чего дал задание представить «пакет по своему проекту» в воскресный вечер.

Над изучением документов братья корпели всю ночь, поэтому сегодня школьные уроки проходили для Торы в весьма туманной атмосфере, а ажиотаж вокруг субботнего фестиваля и вовсе оставался за границей внимания. Так продолжалось до тех пор, пока на перемене перед последним уроком он не почувал человеческое отчаяние вселенского масштаба.

Все кошачьи фибры мигом наострились, но специальные магические ухищрения Торе не потребовались. Достаточно было лишь обратить взгляд на группу девочек, в окружении которых хныкала и всхлипывала тоненькая и гибкая Ёкота Акико, известная среди старших

классов самыми худшими оценками и самой низкой посещаемостью. Ее эмоциональные рыдания по поводу проваленных тестов новостью ни для кого не являлись, и Тора за прошедший месяц школьной жизни сам неоднократно наблюдал подобные сценки. Однако сейчас причиной отчаяния одноклассницы были отнюдь не оценки и не выговор за очередной прогул. Девочка сквозь слезы твердила о каком-то партнере, о его растяжении связок и о срыве номера. Причитания оборвала староста Минами Саки:

– Аки-тян. Это не твоя вина. Конечно, конкурс для него важнее. И в нашу школу он не обязан приходить, чтобы выступить с больной ногой. У нас остается танец с фонариками. Один номер, но ничего уже не поделаешь.

– Но я так хотела, чтобы все ребята увидели наших кошек! – воскликнула Акико. – Это лучший наш этюд. Мы за него уже три приза получили! А для своих, здесь для ребят показать не можем...

И девочка вновь зашлась в отчаянных рыданиях.

Тора удрученно качнул головой. Одноклассницу переполняло жгучие желание преподнести товарищам зрелищный номер, а не себя в этом номере, и одним этим она моментально завоевала его уважение. Однако желание оказалось неисполнимым. У Торы мелькнула мысль отыскать упомянутого партнера и своими магическими силами вылечить травму. Однако из предыдущих реплик следовало, что травма незначительная и является лишь поводом для отказа, а причина в том, что партнер не хочет нагружать себя перед важным соревнованием и выступить в чужой школе на ничего незначающем для него мероприятии.

– Акико, а ну умолкни! – потребовала Мидзуки, верная подруга старосты. – Одна выступить можешь?

– Нет! – выкрикнула та на высокой ноте и добавила после всхлипа. – Это будет не тот номер. Просто глупая сценка и всё.

– Не реви! Заменить твоего напарника кто-нибудь способен? – продолжала Мидзуки. – Кто-нибудь из наших?

– Ты что?! – воскликнула Акико, от неожиданности мигом прекратив плакать. – Это же не танец, а акробатический этюд! Для этого...

Вдруг она осеклась, и Тора явственно почувствовал на себе полный надежды взгляд. Като и Фума, занятые повторением домашнего задания, дружно вскинулись на брата. А Ёкота Акико со словами – я сейчас спрошу! – раздвинула одноклассниц и побежала через весь класс к последней парте.

– Тора-сэмпай!

Девочки, толпившиеся возле доски, все разом затаили дыхание.

– Тора-сэмпай! – Акико встала столбиком перед Торой. – Вы ведь акробатикой где-то занимались, да?

– Не профессионально, – осторожно ответил Тора.

– Но ведь занимались? Тора-сэмпай, пожалуйста! Вот смотрите, – Акико принялась шарить в карманах пиджачка. – Сейчас... Минутку. У меня запись есть... В сети выложена. Мама снимала генералку... То есть репетицию. Она и номер ставила весь. Ой...

Мобильник едва не выскользнул из влажных от волнения рук девушки.

– Акико-сан, присядьте, пожалуйста, – предложил Тора с улыбкой и показал на пустующую парту Фумы перед своей партой.

Она механически опустилась на стул и, развернувшись лицом к собеседнику, продолжила в прежнем скороговорочном темпе:

– Тора-сэмпай, вы ведь можете это повторить? Можно без сложных элементов. У меня двойной бланш в конце. Это уберем. А там, где кот прыгает по крыше, можно упростить...

Акико суетливо щелкала по кнопкам мобильного телефона. Ей в спину смотрели

обескураженные одноклассницы, парни возле стены давились от смеха, Като и Фума, бросив учебники на парте Като, с любопытством поглядывали то на мобильник, то на Тору, а за их спинами нерешительно мялся Синохара Миура, полноватый неуклюжий очкарик, славившийся своими глубокими познаниями всего, что касалось домашних животных.

– Тора-сэмпай. Вот. Смотрите, – Акико развернула мобильный телефон экраном к Торе.

На крошечном дисплее видеозапись едва-едва просматривалась, однако за те две с небольшим минуты, пока длился ролик, Тора уяснил для себя, что Ёкота Акико и ее партнер – настоящие цирковые акробаты, конкурсный номер поставлен, оформлен и выполнен прекрасно, но знания кошачьего поведения у постановщика были весьма поверхностные.

– Тора-сэмпай? – осторожно позвала Акико, когда видеозапись закончилась.

– Акико-сан, вы хотите выступить с этим акробатическим танцем перед школой?

Она быстро покивала и торопливо добавила.

– Я бы всех пригласила на шоу, но мы еще юниоры, нас на большую сцену не пускают, а конкурс, который в ноябре будет, он закрытый. А тут у нас фестиваль. И как раз кошки. Под Хэллоуин.

Тора вынужден был мягко перебить многословную собеседницу.

– Сколько времени вы репетировали номер?

– Полгода почти, – бодро ответила Акико и слегка побледнела – начала осознавать, насколько нелепым с точки зрения логики выглядит ее предложение.

– У нас с вами два вечера и утро субботы. Как думаете, достаточно, чтобы сработаться?

Девочка медленно подняла взгляд. Тора доброжелательно улыбнулся.

– Я могу выполнить акробатические элементы мужской партии этого танца, – пояснил он.

– Но в этом номере главное – пара. И вам придется привыкать к совершенно незнакомому партнеру.

– А... но... я... – девочка решительно тряхнула головой. – Я хочу показать наших кошек в школе! Ведь на фестиваль приглашают и родителей, и младших братьев-сестер. Я хочу, чтобы все увидели «кошек на крыше»!

– Сделаю всё, что в моих силах, чтобы вам было легко со мной работать, – подытожил Тора.

– Значит, вы согласны, Тора-сэмпай? – Акико привстала.

– Да. После этого урока нам, – Тора показал взглядом на братьев, – нужно убираться здесь, в классе. Вот и начнем тренироваться. Как вы на это смотрите, Акико-сан?

– А... А можно «Аки-тян»?

Като и Фума приснули со смеху, наблюдая за просветлевшим девчачьим лицом, ставшим вдруг совершенно детским.

– Надо понимать, положительно смотришь, Аки-тян, – Тора тоже позволил себе смешок.

Она быстро-быстро покивала.

Тора достал свой мобильник. Маракайто ответил на вызов после первого же сигнала.

– Мара, возьми ноутбук для просмотра видео из соцсетей, и приезжай ко мне в школу, – без предисловий начал Тора. – Юдзо у отца в офисе?.. Ясно. Я сам ему позвоню. Предупреди дома, что я задержусь, возможно, допоздна... Като и Фума тоже, – добавил он, заметив краем глаза, как близнецы показывают друг на друга. – Жду тебя через час.

Прозвенел звонок. И Тора лишь теперь заметил, что в классе вот уже несколько минут стоит полная тишина.

Первым и наиболее сложным этапом подготовки стало освобождение классной комнаты от непрошенных зрителей. Като и Фума выставили всех парней беспробитным приемом – пригрозили припахать в уборке. Любопытных девушек кое-как выгнала староста, но и она сама, и Мидзуки вознамерились остаться. В какой-то момент в класс, где Като, Фума и Тора

раздвигали столы и стулья, вернулся Миура и взялся помогать с мебелью. Мидзуки прикрикнула на него, но вечно робкий очкарик неожиданно решительно заявил, что теперь, когда Накадзима Тора участвует в фестивале, будет нечестно взваливать генеральную уборку на него и его братьев.

Вся подготовительная часть сопровождалась безостановочной трескотней возбужденной Акико, и ни староста, ни Мидзуки так и не смогли убедить ее переодеться в спортивную форму. Юная акробатка начала разминку, лишь скинув с плеч пиджачок. Стойка на руках, выполненная прямо на полу, слегка отрезвила ее, когда юбка откинулась до подбородка в соответствии с законом земного тяготения. Беспечная выходка девочки вызвала замешательство одноклассниц и вогнала в краску толстощекого Миуру. Тора безмолвно попросил братьев организовались ширму и предложил будущей партнерше «всерьез подготовиться к тренировке». В ответ девочка лишь недоуменно похлопала глазами, и Тора понял, что к тренировке она готова более чем серьезно, а потому такие мелочи, как одежда, ее уже не волнуют.

– Давай сделаем так, чтобы нам обоим было удобно работать, – перефразировал Тора и подал пример: снял пиджак и рубашку, оставшись в нательной майке-безрукавке.

– Ой. Костюм, – вдруг пролепетала Акико.

– Что «костюм»? – не понял Тора.

– Вы на голову меньше моего партнера, Тора-сэмпай! Да он и не дал бы свой костюм...

– Аки-тян, кошачий костюм не проблема. Единственная корректива: не рыжий в полоску, а белый с пятнами. Устроит?

Като и Фума дружно икнули и уставились на брата. Громко проглоченный смех остался без внимания, ибо звуковой тон задавала сейчас звонкая Акико.

– А хвост? У него хвост специальный, с управлением, чтобы вилял! – воскликнула она.

– Будет хвост с управлением, – поспешил ответить Тора, пока Като и Фума не лягнули вслух то, что бушевало в ёкайском пространстве сознаний.

Шум за дверью усилился, и Тора расслышал голос Маракайто. Мысль о том, как его секретарь прорвался в школу, запоздала, зато вспомнился недавний каламбур Ичиро на тему способностей Мары: «Рожденный ползать пролезет везде!»

– Мне Юдзо-сан позвонил и сказал, что у вас тут что-то спортивное и с музыкой, – шепотом пояснил секретарь Торе, водрузив на парту сумку с ноутбуком и пакет, из которого торчали пластиковые бутылки с водой. – Гимнастическое трико для вас я по дороге купил. Го надоумила. Если для девочки нужно, мы сейчас мигом скатаемся.

Тора оглянулся на партнершу, бодро и безо всякого стеснения создававшую тренировочный костюм из эластичных шортиков, полумайки, колготок и носочков.

– Мара! – крикнул Фума. – Полотенце нужно или накидку какую-нибудь, чтобы не замерзла в паузах.

– Каких паузах? У нас времени в обрез! – искренне возмутилась Акико, всунувшись между близнецами.

– В технических паузах, – откликнулся Като, но не оглянулся, ибо чуял, что переодевания еще не завершены.

Маракайто получил устный список для дополнительных закупок в том виде, как представлял себе Тора, пообещал всё доставить в лучшем виде, а походя сообщил, что намерен опять воспользоваться подсказками Го-сан.

Активное общение волчицы с людьми инициировал глава Дома. Капитан Морита охотно согласился назначить Го охранником-водителем для старшекласников Накадзима, чем фактически сдал оками-полукровку в распоряжение Торы и под присмотр Маракайто. Го не посмела выразить эмоции по поводу кардинально изменившихся обязанностей, но Тора прекрасно видел, скольких моральных сил стоит оками новая работа. Однако его попытка

заступиться за Го закончилась изменением его собственных взглядов на ситуацию: оказалось, что прежний вожак стаи – отец Го и ее героически погибшего брата-близнеца – не только завещал детям служить Дому Накадзима, но и просил главу клана способствовать приобщению своих детей к человеческой жизни. Работа в новой должности уже принесла первые плоды: Го стала заметно естественнее в женском человеческом обличье и свободнее в общении с людьми, даже с незнакомыми.

Акико бодро выскочила в центр класса и озадаченно застыла перед Торой.

«Два тощих коротышки», – беззвучно прокомментировали близнецы то, что вызвало растерянность акробатки.

Тора прекрасно знал, как выглядит со стороны в гимнастическом трико, но не повел и бровью.

– Мы одного роста, – осторожно пробормотала Акико.

– Рост и комплекция не имеют значения, – спокойно сказал Тора. – Ведь кошки бывают очень разными, верно?

– Угу... – Акико помяла губы, посмотрела на одноклассников, собравшихся вокруг ноутбука и нерешительно спросила. – Под музыку начнем?

– Мы звуковую дорожку уже вынули! – громко сообщил Като. – Пускать?

– Нет, – Тора качнул головой. – Для начала, Аки-тян, нам нужно привыкнуть друг к другу.

– Но акробатику упростим, – Акико натянуто улыбнулась.

– Подожди. Давай посмотрим, какие кошки получатся в нашем с тобой исполнении.

Тора вынес на центр класса стул, вскочил на него, уперся в ребро сидения и спинку ногами, без видимых усилий сбалансировал стул на двух задних ножках и элегантно подал партнерше руку.

– Прошу на крышу.

Акико выдохнула восторженное и испуганное «ой!» и с опаской оглядела неказистый акробатический снаряд.

– Смелее, – улыбнулся ей Тора. – Обещаю, что бы ты ни делала, стул не пошатнется.

Юная акробатка с готовностью кивнула, отступила на шаг, подпрыгнула на месте, будто пробовала упругость своих мышц, и со второго подскока взлетела вверх и вперед. Торе показалось, что она намерена выполнить сальто, но на столь безрассудные поступки Акико все-таки была не способна. Впрочем, Торе хватило и ее отважного заскока. Поймав девочку буквально в полете подмышки, он собственноручно установил ее на ребро сидения обеими ногами и прокомментировал:

– Смело.

– Ой! – запоздала испугалась акробатка и вцепилась в плечи партнера.

Бурные эмоции в зрительском углу своевременно погасили Като и Фума.

– Т-тора-сэмпай, – пролепетала Акико.

– Все в порядке. Видишь, стул не качается, – преспокойно пояснил Тора, но при этом приложил максимум усилий, чтобы партнерша не почувствовала напряжение его собственных мышц. – Забирайся мне на плечи.

– Ой, так мы никогда не делали...

Тора отметил про себя, что несмотря на безусловный талант цирковой гимнастки Акико была целиком и полностью зависима от тренера и партнера, а это означало, что роль постановщика номера отводится ему. По крайней мере сегодня. Он отцепил руки девочки от своих плеч и тем самым заставил ее выпрямиться. Акико послушно подчинилась, чем продемонстрировала полное доверие к напарнику.

– Сюда, – скомандовал Тора, показав взглядом на бедро своей левой ноги, которой упирался в спинку стула. – Держись за руку...

– Вы такой сильный! – выдохнула Акико.

– Рост и комплекция – не важны, – напомнил ей Тора и, придерживая за талию, подстраховал на развороте. – Работай на моем теле, как на стационарном снаряде.

– А вы меня на руках вверх поднять можете?

– Легко.

– Только я высоты в начале всегда боюсь. Пусть Като-кун или Фума-кун рядом встанут. Можно?

– Тебя ловить что ли? – крикнул Фума из компьютерного угла.

– Нет! Просто рядом постоять.

Като вполголоса распорядился зрителям не прикасаться к ноутбуку и вслед за Фумой побежал на импровизированную арену. Тора в свою очередь посредством контакта сознаний предупредил братьев, что в любом случае ловить партнершу будет только он сам, а они выполняют роль моральной поддержки.

Моральная поддержка отработала на все сто процентов, а физическая страховка не пригодилась, ибо Акико великолепно владела телом. Однако подбрасывать партнершу вверх, чтобы она выполнила двойное сальто, Тора отказался, сославшись на высоту потолка. Спущенная на пол вручную, Акико принялась беспокоиться разглядывать классную комнату. Из ее торопливых сбивчивых пояснений Тора понял, что волнуется она по поводу «выхода кота» – короткого соло партнера на условной крыше. Этот элемент номера в видеозаписи действительно выглядел впечатляющим – юноша-акробат выполнял серию стремительных переворотов и высоких прыжков, изображая кота, привлекающего внимание кошки.

– Коты так себя не ведут! – вдруг заявил Миура, глядя на экран, где Като запустил прокрутку обсуждаемого эпизода.

– Ну ты, знаток зоологии! – Мидзуки ткнула одноклассника в бок. – Это же танец!

– Танец кошек должен отображать естественное поведение кошек, – Миура деловито поправил пальцем очки.

– В зале потолок высокий, – вставила Минами, не глядя ни на Тору, ни на Акико.

Акико тут же разразилась новой порцией трескотни, на сей раз по теме расположения сцены в школьном зале и созданию «крыши» из парт и стульев.

– Нам никто не позволит строить «крышу» из парт на фестивале! – Минами повысила голос.

– А чего такого? – Мидзуки вступилась за идею неожиданно для подружки. – Пока с фонариками танцуем, парни вытаскают парты. Накроем чем-нибудь. Я у папы полотно попрошу. Раскрасим – вот и крыша.

– А убирать? Сразу после нас выступает «второй-бэ», а у них театральная сценка!

– Минуту внимания, пожалуйста! – Тора опять вынужден был вмешаться с организационную часть. – Давайте так: реквизит и костюмы будем обсуждать после того, как определится основная канва номера. Тренируемся на столах и на полу. А какой будет крыша, поговорим потом.

С ним вроде бы согласились, но Миура опять влез со своими комментариями:

– Нормальный кот не станет прыгать по крыше, чтобы заинтересовать кошку!

– Это почему же?! – искренне возмутилась Акико. – Номер моя мама ставила, а она спец в цирковых шоу!

Бурный спор о котах, кошках, крышах и шоу грозил растянуться надолго, но Тора решил дать одноклассникам выговориться. Однако вмешались братья.

– Тора! Покажи им, как будет действовать нормальный кот! – со смехом предложил Фума.

– Слушай, правда, зачем повторяться? Сделай по-своему! – подхватил Като.

– Я без понятия, как будет себя вести городской кот на крыше с кошкой, – отрезал Тора и сердито глянул на близнецов.

Но идея была тут же подхвачена юной акробаткой. Под ее пятикратным скороговорочным – «Тора-сэмпай, пожалуйста!» – Тора сдался. Като и Фума живо сдвинули четыре парты и приперли весь ряд с двух сторон собственными плечами.

– Уберите свои «ирокезы» вместе с головами! – скомандовала им раззадорившаяся Мидзуки.

Близнецы переглянулись через вереницу столешниц. Убрать головы, увенчанные серебряными гребнями, действительно было необходимо, чтобы обеспечить Торе свободу маневра, но в такой позиции оба начисто лишались обзора.

– Тора-сэмпай! Выход кота слева! – объявила Акико. – Я буду снизу справа. А по центру будет печная труба!

Минами обреченно поморщилась. Тора опять уловил с ее стороны эмоциональный флюид, похожий на зависть. Он давно понял, что староста класса неровно дышит к нему с первого дня знакомства, поэтому старался не давать никаких поводов для разогрева девичьих чувств. Но сегодня, когда он решил помочь бесхитростной Акико исполнить ее желание, ограничители на всяческие поводы рассыпались прахом, а Акико с ее наивной простотой стала мощным катализатором воспламенения ревности.

«Акико и я сейчас актеры, а кошка и кот – наши роли, – мысленно для себя сформулировал Тора. – Надеюсь, у Минами хватит ума это признать».

Он сосредоточился на роли кота и образе крыши. Но одноклассники опять внесли свои коррективы: Мидзуки запустила музыкальную дорожку, и Акико с готовностью откликнулась на отсебятину – начала номер так, как предполагал оригинальный сценарий. Тора видел ее со спины, но и с этой позиции имитация движений наводящей марафет кошки выглядела реалистично. Разве что представление Акико о расположении кошачьих ушей было несколько некорректным – девочка упорно водила рукой по виску, изображая кошачье умывание.

Засмотревшись на изумительно пластичную и гибкую партнершу, Тора слегка опоздал со своим выходом и, силясь подстроиться под музыкальный такт, упустил возможность проверить на прочность площадку. Два центральных стола разъехались сразу после его заскока, хотя Като и Фума изо всех сил держали ряд своими спинами. Тора хотел подсказать им, что сейчас важно соблюдать геометрию, а не давить на торцы шаткой конструкции, однако решил не вносить смуту в умы и без того растерявшихся страховщиков. Перемещение на четырех лапах он имитировал серией вращений на руках, будто работал на гимнастическом «коне». На двух ногах, но исключительно в кошачьем стиле, прошелся по краешку столов и, поскольку темп музыки увеличился, рискнул сделать длинный низкий прыжок с переворотом.

Такой акробатки школьные парты не выдержали. Опора буквально вылетела у Тора из-под правой руки, но стол завалился в противоположную от партнерши сторону, поэтому Тора продолжил свой трюк, но уже поперек музыки и в режиме полного экспромта. Некстати подвернувшаяся под колено голова Като вынудила искать площадку для незапланированного толчка в узком простенке между окнами. Тора успел остановить себя от выпуска всех своих когтей, поэтому зависание на стене не состоялось, но зато он эффектно съехал по вертикальной плоскости на четырех конечностях. Последним рывком он метнулся к ошеломленной партнерше над самым полом и изящно расположился как будто вокруг нее, сидящей на полу. Собственные уши и хвост остались под человеческой оболочкой, но мысленно Тора разместил хвост так, как делал со своим лисьим хвостом отец – на бедре с элегантно ниспаданием в области полусогнутого колена.

– Вау... – выдохнула Акико.

– Дальше? – быстро спросил Тора.

– Ага.

– Импровизируем.

Синхронности, идеально продемонстрированной акробатами в оригинальном номере, у Тора и Акико не получилось, зато Мидзуки прямо-таки завизжала от восторга, когда Тора изобразил осторожное следование за смущенной и как бы убегающей кошкой. Единственный на весь номер танцевальный эпизод Тора постарался воспроизвести в соответствии с оригиналом, но Акико начала переигрывать, и ему пришлось подстраиваться под партнершу.

Следующая часть состояла из парной акробатики, и после двух сумбурно выполненных элементов Тора остановил раззадорившуюся напарницу.

– Ну почему? – Акико аж топнула ногой. – Так здорово получается!

– Потому что отрабатывать поддержки и прыжки будем отдельно, – Тора оглянулся на свалку столов и добавил. – И, очевидно, не в классной комнате.

– А где, Тора-сэмпай?

– К завтрашнему дню придумаем, – быстро отозвался он и живо оглянулся на зрителей. – Сюда идут. Снизу.

– Скройтесь, полуголые! – сдавленно выкрикнул Като.

Предложение было разумным. Тора, не раздумывая, подхватил партнершу на руки и метнулся за образовавшуюся после его трюка баррикаду опрокинутых парт. Во всеобщем ажиотаже нечеловеческий по силе и скорости прыжок остался без внимания. Минами-сан побежала в коридор встречать визитеров. Фума схватил пустое ведро и начал трясти им так, чтобы звук «уборки» был слышен за стенами класса. Миура принялся тереть доску, подняв вокруг себя тучу меловой пыли, ибо губка оказалась сухой. Мидзуки распахнула технический шкаф и вытащила швабру как раз в тот момент, когда в класс заглянул завуч школы, он же учитель литературы у «первого-Дэ».

Литератор окинул колючим взглядом погром, задержал взор на Фуме с пустым ведром, затем присмотрелся ко второму серебряному «ирокезу», торчавшему из-за парт – Като прикрывал Тору и Акико своим торсом, – и металлическим тоном задал вопрос:

– Не слишком ли грандиозную уборку вы тут затеяли перед столь незначительным праздником?

– Сэнсей, но ведь и «день культуры» скоро, – нашла Минами.

– Хорошо-хорошо, – литератор снисходительно усмехнулся. – Но не нужно громить здание. В кабинете под вами штукатурка падает с потолка.

– Извините, сэнсей, – староста скромно опустила взгляд.

– Два Накадзимы здесь. А где же старший? – не унимался литератор, будто чувствовал, чего его водят за нос.

– Он к фестивалю готовится, сэнсей, – заявила Мидзуки и водрузила швабру на пол, как заправская ведьмочка.

– Накадзима Тора будет участвовать в этом вашем бесовском фестивале? – неприятно изумился учитель. – Ну-ну.

Он напоследок повторно окинул взглядом разгромленный класс и неторопливо вышел.

Акико на четвереньках выбралась из-под руки Като и оглянулась на вставшего из укрытия Тору.

– Сэмпай, где тренироваться будем? – повторила она свой вопрос так, будто ничего особенного не произошло.

– Может, спортзал? – неуверенно предложил Миура.

– Чтобы вся школа узнала, какой у нас номер? – возмутилась Мидзуки.

– Тора, а если у нас дома в додзё? – протянул язык Като.

– Нет уж, – отрезал Тора, почесал подбородок и улыбнулся обеспокоенной Акико. – Не волнуйся. Обязательно что-нибудь придумаем. А сейчас поработаем над тихими элементами.

– Пока двое работают над тихими элементами, остальные расставляют парты на места, –

распорядилась Минами. – Като-кун, бегом за водой.

– Я – Фума, – поправил Фума, крутанул пустое ведро в руке и пошел к дверям.

Маракайто, отправленный за покупками, вернулся вскоре после начала восстановления классной комнаты, но не один, а вместе с Го. Го была явно не в восторге от необходимости знакомиться с подростками, но ее присутствие оказалось очень полезно, поскольку Маре и тем более Торе было бы неудобно вручить Акико закупленную для нее сменную одежду. Акико беззастенчиво обрадовалась, увидав в пакете новые колготки, доверительно сообщила Го, что свои уже порвала об пол вместе с носками, и с удовольствием примерила большую теплую шаль, разукрашенную изображениями кошек.

Тора оглянуться не успел, как Маракайто подключился к уборке, фактически заменив Като, занявшего компьютер ради обеспечения звука. Го помялась в сторонке и тоже принялась двигать мебель, причем без видимых усилий, чем вызвала вполне обоснованное удивление Миуры, тщетно изображавшего из себя силача. Бравая Мидзуки полезла к Го с вопросами, кто она по профессии. Го растерялась, но выручил Маракайто. Из его многословных объяснений можно было выделить истину, однако в целом получилось, что Го «работает в доме семьи Накадзима».

В общей сложности репетиция продолжалась почти три часа. Акико гораздо была прыгать и дольше, но Тора постановил: на сегодня достаточно – сценарий номера сформировался, танцевальные элементы отработаны, осталась акробатика.

– Кошачьи повадки приведены к натурализму! – с удовольствием вставил Миура, очень довольный тем, что Тора отстоял свой вариант «выхода кота».

– Миура-кун, у тебя дома, наверное, кошки живут? – спросил Маракайто, активно участвовавший в критике репетиции.

– Нет, – юноша удрученно вздохнул. – Я обожаю и кошек, и собак. Мама и бабушка их очень любят. Но дома держать нельзя. Мама хотя бы на работе с ними общается, она ветеринар. А я вообще не могу. Аллергия.

Маракайто обескураженно переспросил: – аллергия? – и почти испуганно посмотрел на Тору. Тора слегка качнул головой, мол, ничего страшного, но сам призадумался: велика ли разница между шерстью ёкая-хэнгэ и шерстью обычного кота? И если не велика, значит, находится в близости от Миуры в своем «костюме» он не должен. А это было непросто, ибо Миура уверенно вписался в группу поддержки без обычной своей зажатости.

Маракайто, потихоньку заручившись разрешением Торы, предложил развести ребят по домам, но Акико отказалась, сообщив, что живет совсем рядом со школой, Миура сказал, что ему нужно зайти к приятелю, а Мидзуки, явно настроенную прокатиться на шикарной автомашине, остановила Минами. Однако за школьными воротами Мидзуки и Минами завернули в сторону автомобильной парковки, и таким образом получилось, что братьям Накадзима с их сопровождением и девушкам-одноклассницам по пути. Торе ничего не оставалось, как повторить предложение уже от своего имени.

– Нет, Тора-сэмпай. Спасибо, – чопорно отказалась Минами, прихватила подружку за руку и почти силком потащила ее за собой на автобусную остановку.

В машине, когда пассажиры устроились на своих местах, Го включила двигатель, помедлила, обернулась к Торе и спросила:

– Тора-сама, почему Минами-сан выказала обиду и побрезговала вашей помощью?

Тора призадумался над ответом, ибо обиды не заметил, а Като высказался:

– Потому что про всех нас в классе говорят – сынки миллиардера.

– Наверное, боится, как бы одноклассники глупостей про нее не напридумывали, – добавил Фума.

– Странно, – Го взялась за рулевое колесо. – Мне показалось, школьники относятся к вам как к хорошим товарищам.

Тора неопределенно пожал плечами и отвернулся к окну. Все сегодняшние выступления Минами Саки сводились к попыткам привлечь к себе внимание, а не участвовать в деле, ради которого ребята остались после уроков. Несостоятельность ее предложений и комментариев породила соответствующую реакцию одноклассников – умышленно или нет, но высказывания старосты стали игнорировать. Был момент, когда Тора почуял импульс бессильной злости, направленный на свою персону, но гораздо больше таких же импульсов он улавливал в адрес ничего не подозревавшей Акико.

Тора и раньше подспудно ожидал усугубления проблем с тайно вздыхавшей по нему девушкой. И как малой кровью решить патовую ситуацию, просто не знал. Советы Като и Фумы «послать ее подальше» он считал некорректными. Разговаривать на щекотливую тему с отцом опасался, дабы не оказаться понятым превратно. Рассчитывать на Маракайто как на советчика в столь тонком вопросе не приходилось. Обращаться к Рику и Ичиро казалось бесполезным. А будоражить горькие воспоминания Юдзо Тора не хотел.

Тора усмехнулся, обнаружив собственную руку в кармане, где коротал время его аякаси-связист под личиной мобильника. Он так и не позвонил Юдзо в течение затянувшегося школьного дня. Мелькнула коварная мысль: «Бросил брата одного наедине с нашей общей работой. И всё ради исполнения желания человеческой девочки». Однако поперек этой искусственной мысли легла другая: Юдзо обругал бы его с ног до головы, если бы он пожертвовал шансом помочь человеку в пользу бумажного проекта и сомнительного в части срочности отцовского задания.

* * *

Общие семейные ужины вошли в традицию дома Накадзима благодаря Хирото, который после замечательных «половых посиделок» в гостиной Торы взял моду наведываться к старшим братьям во время обеда. Отец развил начинание младшего сына, и зал для парадных приемов получил новое и основное теперь назначение – семейной столовой. Като и Фума быстро привыкли к традиционному стилю в повседневной домашней обстановке, Юдзо прекратил всякую критику «древностей» с тех пор, как вернулся под отцовскую крышу, Хирото принял новшество с нескрываемым восторгом, а Тора без лишних слов наслаждался домашним уютом. Даже Ичиро и Рикю теперь старались подгадать свои воскресные визиты так, чтобы не пропустить время дружного семейного сборища.

Сегодняшний ужин начался с получасовым опозданием, поскольку отец задержался в офисе, а у Юдзо, намеренного вернуться домой как можно раньше, на выезде из Токио окончательно поломалась его старая заслуженная автомашина, и он вынужден был добираться до поместья комбинированным способом.

– Бегать по небу в лисьей шкуре я не могу, – огрызнулся Юдзо, чуть только Тора открыл рот, чтобы поприветствовать брата.

– Это до поры – до времени, – подмигнул ему Тора. – Кстати, привет.

Юдзо хмыкнул, хлопнул его по плечу и следом за ним вошел в обеденный зал.

Отец дождался, когда сыновья разместятся на дзабутонах, взглядом скомандовал прислуге внести столики с ужином и, как будто спохватившись, небрежно переброешил Юдзо брелок с ключами.

– Твоя машина уже в гараже, – походя пояснил он.

– Спасибо, – напряженно ответил Юдзо, посмотрел на ключи и резко выпрямился. – Отец, это не мои.

– Твои, твои, – в прежнем небрежном тоне откликнулся отец семейства.

– Пап? – Юдзо развернулся на него всем корпусом.

Кицунэ изобразил свой коронный лисий прищур.

– Это ключи от твоей машины, – повторил он и, более не сдерживаясь, широко улыбнулся.
– Я не против авто-цукумогами в экстренных случаях, но, согласись, раскатывать на призраке по дорогам ежедневно – не разумно. Ведь твой цукумогами питается твоими собственными силами, как реальное авто бензином. Давайте пользоваться благами человеческой цивилизации, коли уж эти блага нам доступны. Теперь в твоём распоряжении надёжная, современная, удобная модель. А её техническое состояние будут контролировать наши автомеханики, потому что я не желаю, чтобы вы опаздывали к ужину дружной парой, – лисий взгляд остановился поочередно на Торе и Юдзо.

Оба озадаченно переглянулись.

– Что, уже забыли? – усмехнулся отец семейства. – Тора, с понедельника ты посещаешь курсы в нашей лаборатории. А твоя задача, Юдзо, обеспечить брату быстрый и комфортный транспорт.

– С понедельника? – осторожно уточнил Тора.

– Вообще-то я планировал познакомить тебя с коллегами завтра. Но случайно, – отец сделал многозначительную паузу, – услышал, что до субботы включительно ты по уши занят в школе.

– Прости, отец, так получилось, – Тора потупился.

– За что ты опять просишь прощения? Разве ты что-то натворил?

– Пока нет. Но выступать на фестивале я буду в истинной антропоморфной форме.

Нижняя челюсть папы-кицунэ плавно опустилась вниз и надолго застыла в этом положении. Юдзо за это время успел раз пять оглядеть Тору с ушей до коленок и обратно. Хирото вытянулся в струнку, чтобы через плечи хихикающих нос к носу близнецов видеть кошачьи уши старшего брата.

– Так-та-ак... – выговорил, наконец, Накадзима-старший и вкрадчивым тоном обратился к сыну. – Тора, если тебя не затруднит, поподробнее, пожалуйста.

Через пять минут вопрос площадки для завтрашней тренировки был решен – Юдзо взял организацию на себя. Для создания циркового реквизита типа «крыша» требовались конкретные размеры, которых пока не было, но глава Дома вызвал тануки-хозяйственника прямо в столовую, велел ему закупить материалы для каркаса и обеспечить монтаж в кратчайшие сроки в любое время дня и ночи. Про доставку и транспортировку речи не было – Накадзима-старший заявил, что Маракайто получает полный карт-бланш на организацию обеспечения мероприятия.

– Костюм для девочки, – вдруг произнес Юдзо, напряженно глядя на нетронутый столик с едой перед собой.

– У нее свой, – сообщил Като.

– Мать не позволит ей взять конкурсный реквизит.

– Обозначим этот пункт «планом бэ», – предложил отец. – Тора, сколько человек разрешено пригласить на фестиваль?

– Ну... – Тора растерялся. – Родителей, братьев-сестер, вроде.

– Папа! Пойдем на Тору посмотреть! – выпалил Хирото.

– Смотреть нужно не на меня, а на Ёкоту Акико, Хи-тян. Она – настоящий талант, – сказал Тора.

– А мы и на тебя посмотрим, – заявил отец. – Я бы с удовольствием позвал наших домашних товарищей. Однако, боюсь, школьный зал не вместит всех желающих.

– Пап, а заснять на камеру? – сообразил Фума.

– Мы можем снимать, – подскочил Като.

– Один из вас на звуке, – напомнил Тора.

– А второй на посылках, – вставил Юдзо.

– Ты разве не будешь присутствовать на выступлении? – искренне удивился Като, а Фума изумленно посмотрел на Тору, ибо в семействе уже привыкли к тому, что Тора и Юдзо разбираются со своими делами если не сообща, то как минимум в присутствии друг друга.

– Но не бегать же мне по вашей школе, если потребуется что-то принести или передать! – откликнулся Юдзо своим непотопляемым брезгливым тоном.

– От тебя все девицы старших классов впадут в восхищенную истерику, – высказался Хирото.

– Хи-тян! – неприятно удивился отец.

– А что? Юдзо еще красивее тебя, пап. А я сам видел, как на тебя девушки в театре смотрели. Как обалдевшие!

Накадзима-старший обвел растерянным взглядом старших сыновей, будто искал среди них виновного в пагубном влиянии на младшего сына.

Тора поспешил вернуть разговор к актуальной теме:

– Пусть видеозапись обеспечит кто-нибудь из инженеров Киры.

– Да-да, так и сделаем, – автоматически ответил отец и придиричиво оглядел Юдзо.

Тот отодвинулся, чтобы скрыться от прямого взгляда за корпусом старшего брата.

Накадзима-старший неопределенно усмехнулся и обратился к Торе.

– Какая роль отводится мне?

Тора в первый момент опешил от неожиданной постановки вопроса, но быстро нашелся.

– В субботу в четыре дня быть в зале вместе с Хирото.

– И всё?

– Но не будешь же ты каркас крыши собирать, пап! – воскликнул Фума, а Като фыркнул, подавив смех за двоих.

– А почему нет? – теперь папа-кицунэ не скрыл шуточный тон.

– Потому что твое дело – организация бизнеса, – буркнул Юдзо в сторону.

– Кстати о бизнесе, – немедленно подхватил Накадзима. – Тора, как думаешь, какой подарок школе лучше всего сделать к импортному празднику?

– Традиционный, – тут же ответил Тора. – Что-нибудь в библиотеку, например. Но наше, национальное. Многие учителя не довольны ажиотажем вокруг Хэллоуина. Если бы не активисты школьного совета, никакого фестиваля не было бы вообще.

– Понимаю недовольных, – кицунэ согласно покивал, прищурился в потолок и спросил. – Когда у нас «парад ста ёкаев»?

Тора аж вздрогнул от вопиющего невежества отца.

– Пап, в августе!

– Ах, да, запомнил, – Накадзима сделал вид, что ничего особенного и не спрашивал. – Я знаю, каких изданий не хватает в школьной библиотеке.

– Отец, – предупреждающе начал Юдзо.

Кицунэ погрозил когтем в его сторону.

– Я хорошо чую, где проходит граница между мирами. И хочу выяснить, кто и как подойдет к этой границе с людской стороны. Посмотрим, появится ли у учеников и учителей интерес с национальным обаянием, описанным и изображенным в классических свитках!

После вечерней тренировки в дожде, завершившейся домашней баней, Торе окончательно расхотелось трудиться над бизнес-планами.

– Забей, – посоветовал Юдзо, вяло поднимаясь из кресла, где дожидался окончания просушки братовой шкуры.

– Но к воскресению мы должны... – начал, было, Тора.

Брат перебил.

– Успеем. Это всего лишь учебное задание. Гораздо важнее разобраться, во что ты там

вляпался.

Тора нахмурился.

– Где «там»? – уточнил он.

Юдзо развернулся на него с явным намерением пресечь увиливание от ответа, но, увидав искреннее непонимание в зеленых глазах, безмолвно выдохнул негодование.

– Когда ты в школе, тебя постоянно что-то тревожит. А сегодня – тревожит вдвойне, – вполголоса пояснил он.

Тора оглянулся на Маракайто, занятого уборкой фенов и расчесок, опять перевел взгляд на брата и тяжело вздохнул. Юдзо кивком показал на террасу, ведущую в парк.

– Не то, чтобы я вляпался, – начал Тора, когда оба спустились в ночную тень парковой аллеи. – Скорее – растерялся.

– И тщательно закрылся даже от меня, – с досадой в голосе заметил Юдзо.

На Тору будто снизошло озарение: стремление оградить брата от неприятных воспоминаний выглядело с позиции Юдзо как недоверие.

– Прости, – произнес Тора.

В желтых лисьих глазах вспыхнул испуг.

– Тора, я не в укор тебе, извини. Личные секреты...

– У меня нет секретов от тебя, – Тора слегка запрокинул голову, чтобы найти взгляд брата, и открыто улыбнулся. – И никогда не будет. Спасибо, что начал этот разговор. Мне действительно очень нужен твой совет...

И Тора кратко изложил ситуацию, сложившуюся вокруг его персоны в девичьей среде класса.

– Не знаю, как себя вести, – закончил он.

– Ты питаешь к этой самой Минами какие-то чувства? – уточнил Юдзо, однако в тоне его вопроса отчетливо звучал однозначный ответ – «нет».

Тора устало помотал головой и вслух добавил.

– И разыгрывать романы не собираюсь.

– Розыгрыши не обсуждаются, – Юдзо скривился в своем фирменном стиле. – Давай по существу: что, собственно, тебя беспокоит? Безответная любовь – не новость среди людей, а среди подростков – и подавно. Зачем ты тянешь на себя проблему, целиком и полностью выдуманную посторонним, ничего незначущим для тебя человеком?

– Про безответную любовь – не спорю. Но любой человек что-то значит для меня, если я общаюсь с этим человеком, – парировал Тора. – Я не ками и не сказочный волшебник, чтобы осчастливливать всех подряд, но и создавать неприятности окружающим мне бы не хотелось. А в данный момент меня беспокоит конкретная проблема: я чувую, что Минами ревнует меня к Акико. Ревность – грязное чувство, не доводящие до добра. У Минами есть зачатки духовных сил, это я ощущал на себе неоднократно. Я симпатизирую Акико, поскольку эта девочка трудится, чтобы стать актрисой и служить зрителю, и при всем своем безусловном таланте не помышляет выставлять себя как примадонну перед поклонниками.

Юдзо понимающе кивнул и перефразировал.

– То есть ты опасается, что потенциально духовная Минами встанет на путь темной мико и навредит девочке, которую уважаешь ты?

– Ну... Это слишком радикально, хотя... – Тора почесал когтем подбородок, как частенько делал отец. – Да.

– Насколько я понял, кроме тебя никто из ёкаев не получает силы от Минами.

– Скорее всего так.

– Значит, ее «путь мико» лежит через тебя. Ты – ее призма, субъект преломления ее духовных сил.

– Пожалуй, – Тора с интересом посмотрел на брата.

– И как, по-твоему, эта потенциально темная не-до-мико способна навредить циркачке, если на ее пути стоишь ты?

Тора опустил плечи, подумал, уронил голову на грудь и тихо рассмеялся.

– А говорил, что не способен логически рассуждать, – напомнил он.

– Тут не магия с порталами и сикигами, а простая житейская логика, – усмехнулся Юдзо. – Ты бы сам легко дошел до этого вывода, если бы не заморочил сам себе голову.

Эпизод 2: октябрь, 30-е

На первый урок Ёкота Акико не явилась. Тора не беспокоился, поскольку был абсолютно уверен, что ни тренировку, ни тем более выступление Акико не пропустит. Впрочем, думать о тренировке и фестивале Торе было некогда. Строгий математик опять устроил ему проверку у доски и принялся придираться к домашней работе. Одноклассники начали роптать, ибо со стороны действия учителя выглядели как неприкрытое давление на ученика. Однако Тора принимал повышенное внимание математика с благодарностью: скрупулезный пожилой учитель заставлял его осознавать, а не запоминать учебный материал, и, фактически, приобщал к математическому стилю мышления, необходимому Торе в избранной им профессиональной деятельности.

После урока учитель позвал Тору с собой, чтобы выдать ему материалы по индивидуальной программе. Поэтому очередную трагикомическую сценку с Акико в главной роли Тора воспринимал через ёкайский контакт сознаний.

Акико вбежала в класс на перемене, Тору не месте не увидела и, начисто проигнорировав старосту, намеренную сделать ей выговор за прогул, кинулась к близнецам Накадзима со слезным воплем – «Мне мама костюм не дает!» – и беззастенчиво ткнулась в грудь Като. Близнецы опешили от неожиданности и струхнули по-настоящему, когда за слезным воплем последовали надрывные рыдания. Издевательский комментарий Хагивары: наверное, это любовь! – мигом отрезвил обоих. Като прикрыл доверившуюся ему девочку от наглых взглядов парней, а Фума так глянул на насмешника, что Хагивара буквально прикусил себе язык.

Как успокаивать эмоциональных представительниц противоположного пола близнецы не знали, но выручила перенятая у Торы установка – будь самим собой. Простое и естественное – Аки-тян, не реви, подожди, расскажи, что случилось, – и тому подобное сработали лучше всяких специальных слов.

– Я с мамой поругалась, – всхлипнула Акико. – Она сказала, что костюм не даст и вообще что нельзя выступать. А я сказала, что мы всё равно покажем ребятам кошек на крыше!

– Ясно. План «бэ», – деловито подытожил Фума.

Слезы Акико моментально просохли.

– Чего «бэ»? – пробормотала она.

– План, – подмигнул ей Като.

А Фума, подражая Торе, спокойно достал свой мобильник. С перезвоном вышла заминка – Юдзо не ответил на вызов, но Фума не растерялся, живо набрал Маракайто и громко сообщил в трубку:

– Мара, план «бэ»... Спасибо.

– Будет тебе костюм, – Като по-свойски потрепал девочку по острому плечу. – Не хуже, чем у Торы.

– Черный? – глазки юной акробатки вспыхнули восторгом.

– Черный. С белой манишкой и белыми лапками.

– Ой, как здорово! – Акико всплеснула руками и тут испугалась. – А размер?

- Всё учили давно, – успокоил ее Като.
- У Торы глазомер – лучше всяких линеек! – подхватил Фума.

Учитель литературы прежде, чем начать урок, с удовольствием поёрничал на тему «демонического фестиваля» в контексте состоявшегося вчера погрома. Результаты «генеральной уборки» в классной комнате действительно не наблюдались, но все парты стояли на местах, поэтому формально придрасться было не к чему. Зато «плававшие» в теме урока близнецы Накадзима подверглись жесткой критике со стороны преподавателя, и Тора вновь был выставлен к доске, на сей раз с заданием отрабатывать за троих. Материал сложностей для него не представлял, но безмолвно дребезжащий в кармане связист-аякаси работал мощным отвлекающим фактором. Торе пришлось существенно снизить темп ответа учителю, чтобы при посредничестве аякаси-мобильника выйти на контакт сознаний и объяснить Юдзо, по какому поводу ему трезвонил Фума и почему сейчас он, Тора, не может дать точные размеры крыши.

Тора добросовестно «отработал за троих», класс опять выслушал едкий комментарий преподавателя по поводу фестиваля, но на сем вредность литератора не иссякала: к доске по очереди были вызваны все участники вчерашней «уборки», за исключением Акико, которую литератор не заметил благодаря своевременному прикрытию братьев Накадзима.

Перемена между «литературой» и «английским» была короткой, зато всю следующую в дальнем углу классной комнаты спорили о крышах, черепице, коньках и трубах. Конструктивных предложений оказалось мало, но Тора заметил нечто новое в поведении своей партнерши: Акико стала на порядок увереннее на организаторском поприще, а кроме того из ее уст теперь не звучало приевшегося за вчерашний день «а мы делали так» или «у нас было этак». Как будто, отодвинув от себя маму-тренера, юная циркачка осознала себя в новой роли – создателя собственного номера.

Вернулась Мидзуки, отлучавшаяся для разговора по телефону.

– У отца в гараже осталось полотно, – отдышавшись, объявила она. – Он обещал прямо сюда привезти. В обед. И разрешил раскрасить хоть в кирпич, хоть в черепицу. Саки, давай соберем народ и займемся сразу после уроков.

Минами Саки только пожала плечами.

– Бесплезно. Я уже устала говорить впустую. Меня вообще никто не слушает.

– Саки, ты чего? – Мидзуки вытаращила глаза. – Нам завтра выступать! А еще тыквы доделать надо!

Тора украдкой вздохнул. Обида девушки разрасталась лавинообразно, зависть и ревность бурно кипели в котле эгоизма, и в этом опасном месиве неуклонно тонуло чувство ответственности за коллектив. У Торы мелькнула мысль обратиться к Минами Саки с каким-нибудь организационным вопросом, подыграть важность этого вопроса, и тем самым вдохновить старосту на исполнении ее непосредственных функций. Но тут же вспыхнула другая: подыгрыш – это обман, а обман в любом объеме – это ложь.

Прозвенел звонок на урок. Ребята поспешили к своим партам, а Тора, воспользовавшись опозданием учительницы, успел выяснить у Мидзуки размеры полотна. Время осталось даже на телефонный разговор с Юдзо. Информация о размерах была принята, а в свою очередь Юдзо сообщил, что в полдень будет ждать команду во дворе школы.

– Почему в полдень? – изумился Тора от неожиданности громко. – У нас пять уроков.

– С физкультуры слиняем! – обернулся Фума.

Юдзо повторил: в полдень! – и быстро пояснил, что зафрахтовал зал только до пяти вечера. После чего потребовал обрисовать геометрию крыши ему сейчас, а не Маре потом.

В этот момент в класс вошла учительница.

– Срисуй крышу папиного особняка, – впопыхах ляпнул Тора и нажал «отбой».

Учительница японского с некоторых пор демонстративно игнорировала всех братьев Накадзима. Это началось после инцидента, состоявшегося в конце сентября. Тогда Одзакисан от имени главы Дома попросил директора снисходительно отнестись к невыполненным домашним заданиям и потерянным тетрадям подопечных и объяснил, что в пятницу ребята попали в страшную автомобильную катастрофу, чудом отделались ссадинами и синяками, но до сих пор пребывают в шоке из-за гибели шофера, а у близнецов к тому же поседели волосы. Всю эту мешанину из правды, полуправды и вывернутых наизнанку причинно-следственных связей затеял Накадзима-старший, дабы объяснить серебряные гребни на головах Като и Фумы, с огромным трудом превращенные Тоогой в подобие челок. Мешанину, естественно, не заметили, да и Одзакисан изъяснялся как хороший актер. Директор до глубины души проникся рассказом, тем более «седые челки» Като и Фумы и бледного Тору ему показали до начала уроков. В присутствии «представителя уважаемого спонсора» директор обратился к учителям в учительской комнате и пространно пересказал им просьбу. Однако преподавательница современного японского проигнорировала и слова директора, и не совсем здоровый вид учеников. Второе, впрочем, было разыграно и подправлено иллюзорной магией бакэнэко, поэтому Тора не держал обиды на учительницу. Но отец, узнав о трех «неудах», самолично позвонил в школу. В каком тоне состоялся его разговор с директором и что директор сказал подчиненной, братья Накадзима, разумеется, не узнали. Но на следующем уроке нервозная дама-учительница натянуто вежливым тоном изволила разрешить все троим «отработать неуды», что братья успешно и сделали. С тех пор она вела себя так, будто никаких Накадзима для нее не существует вообще.

Сегодняшний урок исключением не являлся, и у Торы появилось свободное время, чтобы мысленно распланировать предстоящую тренировку при совещательном участии Юдзо посредством контакта сознаний. За пару минут до конца урока Юдзо сообщил, что готов забрать четверых. Без специальных пассажиров Тора уяснил, что брат уже во дворе школы, но дополнительно почувал, как Юдзо силится рассмотреть некий удаленный объект, и объект этот вызывает у него весьма неоднозначные эмоции. Раздался школьный звонок. Ученики встали согласно школьному этикету, и Тора, бросив взгляд в окно, воочию увидал то, что вызвало бессильное негодование брата: перед центральными воротами школы остановился шикарный бело-серебристый автомобиль.

«Пап, зачем ты так рано!» – вырвалось у Торы.

«В чем дело, сынок? – весело откликнулся глава семейства. – О, кого я вижу! Юдзо!»

«Мы же с физры собрались лиять!» – дуэтом «высказались» Като и Фума, а поскольку разводить потоки сознаний до сих пор не научились, реплику «услышали» все Накадзима, находившиеся поблизости.

«Я сделаю вид, что о ваших планах не знаю», – пообещал отец.

Близнецы отчаянно переглянулись через проход между рядами. И тут, будто почував источник ёкайских эмоции, на парадный подъезд школы, хорошо просматривавшийся из двух крайних окон, обратили внимание как минимум треть одноклассников, включая звонкую Акико.

– Мы на этой машине в зал поедем? – громко изумилась она.

– Не, это папина. У брата поменьше, – ляпнул в ответ Като.

Тора начал молча собирать портфель, стараясь своей невозмутимостью снизить уровень ажиотажа вокруг внезапно раскрывшейся «засекреченной информации». Но не тут-то было. К окнам кинулись чуть ли ни все, кто находился в классе.

– Этот седой господин в костюме – ваш папа? – воскликнула Мидзуки.

– А второй в очках тоже седой? – перебила другая девушка.

– А он кто? – влез один из парней.

Като и Фума, прижатые к подоконнику, вынуждены были отдуваться за первую

неосторожную реплику, и так одноклассники узнали, что «седой в очках» – старший брат, а «седой в костюме» – отец.

– А по-моему они одинаковые, – высказался Миура.

Ему посоветовали протереть очки, но тему «одинаковых» – слово «красавчики» не звучало, но подразумевалось – подхватили девушки.

Оставив одноклассников самостоятельно делиться впечатлениями по поводу респектабельно автомашины и ее владельца, братья Накадзима увели Акико из класса. Тора придержал компанию в раздевалке, дабы не столкнуться с отцом в вестибюле школы, и скомандовал следовать на выход, когда услышал, что отец в сопровождении двух офисных работников, тащивших объемные пачки книг, завернул к кабинету директора.

– Тора-сэмпай, – осторожно позвала Акико. – Это правда ваш папа?

Тора кивнул.

– И вас у него четверо? – глаза девочки восторженно загорелись.

Братья переглянулись.

– Вообще-то семеро, – сообщил Тора, дабы потом не возникло арифметических недоразумений.

– Вау! Целая династия! – восхитилась цирковая акробатка.

Тора и близнецы вздохнули облегченно: Акико, будучи потомственной циркачкой, мыслила категориями арены, и о житейских коллизиях не задумывалась.

В процессе знакомства с Юдзо Акико выглядела немного скованной, однако после того, как ее устроили в салоне, продемонстрировала всю свою непосредственность, расписав в лицах, как утром поругалась с матерью из-за костюма.

– ...и я ей сказала, что у нас совсем другой номер, – закончила она.

– Аки-тян, а врать нехорошо, – заметил Като, сидевший с девочкой бок о бок.

– А я и не врала. Тора-сэмпай играет кота по-своему. Поэтому и я сыграю кошку по-другому. И значит номер будет совсем другой. Хорошо бы и музыку новую. Но не успеем. Юдзо-сан, а крышу сегодня можно будет попробовать? А зал высокий? Там можно в полную силу прыгать? А что там на полу в зале? А зал, это вообще – что?

На все вопросы, выданные со скоростью пулеметной очереди, Юдзо терпеливо ответил: крышу доставят к трем часам дня, прыгать можно, потому что потолки высокие, пол дощатый, но имеются маты, а непосредственно зал – это небольшая студия для съемок видеороликов к компьютерным играм, которой владеет его давний знакомый.

Давний знакомый Юдзо оказался включенным неопытным субъектом на вид «далеко за тридцать», а в общении – «пятнадцать с хвостиком». Его широкие познания в области видеоигр оценили только близнецы, и они же заблокировали словоохотливого и любопытного владельца студии, пока акробаты переодевались, а Юдзо переговаривался с Маракайто по телефону. Но блокировка рухнула, как только великовозрастный игроман увидел Тору и Акико в тренировочных трико.

– И что эти двое будут делать вместе? – изумился он вслух.

Юдзо к этому моменту закончил накачивать секретаря графиком сопроводительных работ и поспешно подошел к своему товарищу.

– Мы с вами договорись: до пяти вечера зал в нашем распоряжении, – напомнил он.

– Уговор в силе, все путём! – торопливо отозвался владелец студии. – Но вы присмотритесь, присмотритесь! Они же одного роста! Как его зовут? Хито?

– Тора.

– Вроде вашего мелкого брата звали Хито или как-то так.

– Это старший брат, – раздраженно перебил Юдзо.

– Старше нас на год! – подскочили Като и Фума и тем самым своевременно затушевали опасную ошибку.

Но любопытный хозяин тренировочной площадки уже забыл про возрастные категории, ибо Тора и Акико начали разминку.

– Да они гуттаперчевые! – ахнул он.

– Акико – цирковая актриса, победительница многих конкурсов! – объявил Фума, желая сделать комплимент однокласснице, а заодно отвлечь внимание от Торы.

Но тем самым спровоцировал словопоток на тему страховок и техники безопасности.

Юдзо в конце концов повысил голос:

– Ручаюсь, никто никуда не грохнется и ничего себе не переломает!

В этот момент Тора, установивший для себя сознательный фильтр на посторонние разговоры, поднял партнершу вверх на одной руке.

Владелец студии застыл с открытым ртом.

– Она невесомая? – только и смог выдавить он, наблюдая, как Акико выделывает на руках и плечах Торы простые, но эффектные трюки.

Като и Фума дружно посмотрели на Юдзо. Тот решительно встал перед товарищем.

– Будет лучше, если вы увидите только итоговый прогон.

– Нет, я хочу видеть всё! – заявил тот, живо вытащил из-за штатива с осветителем полуломанный стул и уселся в центре прохода.

Тора опустил партнершу на пол и подошел к братьям.

– Какие-то проблемы? – спросил он.

– Нет-нет-нет, – непрошенный зритель активно замахал руками. – Я просто посмотрю. Знаешь ли, я прирожденный режиссер. А тут ставлю кое-какие трюки. Обмен опытом – штука полезная. Идет? А ты в какие игры любишь... играть..?

Тора поспешил набросить на себя маску юнца.

– Он в игры не играет, он учится, – попытался пошутить Като.

Тора постарался как можно естественнее улыбнуться.

В пространстве сознаний в этот момент он «выслушивал» бурный выговор Юдзо за упущенную личину и, до кучи, за небритую с утра физиономию.

– Тора-сэмпей! – позвала Акико. – Давайте вторую часть отрабатывать. Времени мало!

– Да, один момент, – Тора окинул взглядом площадку и обратился к хозяину помещения. – Можно перенести в сторону во-он тот реквизит?

– Да-да, конечно-конечно! – самопровозглашенный режиссер прямо-таки поедал взглядом щуплую фигурку Торы, будто разыскивал спрятанные бицепсы. – Сейчас помогу. Всем вместе надо бы...

– Не беспокойтесь, мы справимся, – поспешно уверил его Тора.

Подняв с пола ядовито-синюю гирию, он догадался, почему владелец студии предложил свою помощь. Гирия была отнюдь не бутафорской, как показалось со стороны из-за неестественно яркой краски. Однако Като и Фума уже подхватили начинание и поняли, что означает предупредительный взгляд брата, лишь когда снаряд, поставленный на пол, издал звук, соответствующий весу. Юдзо заминку не заметил совсем, широким шагом прошел к другой стене и одной рукой поднял массивную штангу, будто зеленые «блины», нанизанные на нее, и впрямь были пластиковыми.

Дружная ёкайская ляпа возымела неожиданный эффект. Хозяин медленно встал со стула, озадаченно оглядел зал и произнес.

– Что-то как-то у меня координаты вдруг уехали. Кажется, пересидел ночью за монтажом. Я тут рядом буду, в операторской. У меня там диванчик. Координаты куда-то уехали... Факт: уехали...

С этими словами он вышел из студии.

За два с лишнем часа интенсивной тренировки Тора и Юдзо, автоматически включенный в число постановщиков, раз пять переругались, причем дважды с участием Акико, Юдзо примерил на себя роль партнера акробатки – хотя выше его плеча в положении сидя Акико не полезла, а Като и Фума, перерыв все открытые звуковые ресурсы интернета, нашли две композиции, похожие, как им показалось, на оригинальную звуковую дорожку номера. Эти находки в дело не пошли, ибо от замены звука Акико все-таки отказалась. Наконец, Тора волевым решением скомандовал перерыв. И тут в студию всунулся Маракайто.

– Крышу привезли, – сообщил он.

– Ты не догадался прихватить для них обед? – Юдзо кивком показал братьев и Акико.

– На всех есть домашние бэнто! – объявил Мара.

Акико попыталась отказаться, но Маракайто в два счета убедил ее, что обед специальный, приготовленный профессиональным диетологом с учетом особенностей момента.

Монтаж конструкции крыши осуществляли два тануки в человеческом обличье и – по собственной инициативе – Го. Результат получился весьма элегантным, однако труба отсутствовала, и Акико принялась хныкать в уголок полюбившейся ей шали.

– Ну чего, опять в рёв? – наклонился к ней Фума.

– Я так стрессы компенсую, – всхлипнула девочка.

– А давайте трубу нарисуем и приделаем задник сцены, – предложил Като.

– Куда тебе тут труба?! – возмутился Юдзо, как автор эскиза. – Где ты видел в современных домах печи вообще?

Тора поднялся с пола, благо со своим бэнто давно управился, и из этой позиции увидал то, что сотворили домашние мастера: конструкция один в один повторяла профиль крыши основного здания отцовского особняка.

Нехорошее словечко вырвалось само собой.

– Ты сам сказал срисовать с нашего дома, – забеспокоился Юдзо.

– Я забыл про форму конька, – признался Тора. – Аки-тян, ты по канату ходить умеешь?

– Нет, – испугалась циркачка. – То есть умею, но недалеко и недолго. И не в этом номере!

– Значит, работаешь на полу, а по крыше перемещаешься только у меня на руках, – подытожил Тора.

Акико увидела проблему своими глазами, а после, когда Тора начал отрабатывать элементы своего соло, визжала на каждом его «приземлении» так, будто партнер падает на манеж с огромной высоты. Кончилось тем, что Юдзо поставил возбужденную акробатку перед собой, чтобы она плотно прижалась лопатками к его торсу, и сказал:

– Я знаю, на что способен мой брат, и совершенно не волнуюсь. Чувствуешь?

– Угу, – Акико быстро покивала.

– Прекрасно. Продолжаем работать без воплей. Договорились?

– Да! – девочка бодро вскинула голову и снизу вверх посмотрела на свою морально-физическую опору.

Полный прогон номера Като и Фума записали на видео, и участники получили представление о том, как номер выглядит со стороны. Для сравнения Фума прогнал в программе плеера оригинальный ролик.

– Здорово. Только музыка осталась старая! – заявила Акико.

– Ты сделала новый номер, Аки-тян, – улыбнулся ей Тора.

– Не я, Тора-сэмпай. Мы. Все вместе! – она взмахнула руками. – А колорит задали вы. Ваш кот совсем другой. Не напористый и нагловатый. Ваш – деликатный, спокойный, уверенный в себе. Как аристократ! Вот почему я сыграла кошку иначе. Перед таким котом кошка должна быть элегантною, а не прыгучей, как дворовая бандитка.

– Аки-тян, а как же твой конкурс в ноябре? – спросил Като.
– На конкурсе я буду играть дворовую бандитку, потому что тот номер ставила мама. А завтра – вот эту! Ня!

И она изобразила кошачью элегантность так, как научилась у Тора.

* * *

Дома во время семейного ужина отец поинтересовался у Юдзо, как он оценивает «кошачью партнершу» брата.

– Талантливая девочка. Недоверчивая, но чуткая к людям.

– Аки недоверчивая? – в один голос удивились Като и Фума.

– Она раскрывается только перед теми, в ком чувствует родство духа, – пояснил Юдзо и продолжал в сторону отца. – В машине сидела как птенец, пока не услышала, как мы общаемся. Только после этого раскрылась передо мной.

– Она не птенец, она кошечка! – высказался Като, а Фума ловко передразнил: – Ня!

– Она птенец, – Юдзо усмехнулся. – Она вырастит прекрасной птицей, чтобы парить над манежем на радость зрителям. У девушки яркое будущее. Но вашу школу, – он обернулся к Торе, – она скоро покинет.

– Почему? – насторожился Тора.

– Не знаю. Но ничего плохого не случится, за это ручаюсь.

– Отправится в свой первый полет после победы в конкурсе? – уточнил отец.

Юдзо пожал плечами.

В гаражи Тора пошел исключительно за компанию с Юдзо, поскольку не питал особого интереса к автомашинам. Что Юдзо силится объяснить двум озадаченным автомеханикам, он понять не пытался, зато с интересом слушал, как за стеной гаража, в технических подсобках, Като и Фума выпрашивают у электрика какой-то аккумулятор. После замечательной битвы с сикигами до-мару у ворот поместья и последующих злоключениях с электросетью особняка, причиной которых стал двуглавый призрачный лис, электрик делал вид, что состоит в жесткой конфронтации как с поглотителями электричества, так и с их наставником. Однако всем было ясно, что он с удовольствием общается с хозяйскими сыновьями-ёкаями и побаивается их преподавателя Одзаки-сана, неоднократно уличавшего его в незнании теории физики электричества.

– Тора-сан, уж не надумали ли вы обучаться вождению? – весело поинтересовался заглянувший в гараж Ямато-сан, личный шофер главы Дома.

– Не, мне больше нравится на пассажирском сидении, – Тора по-кошачьи прищурился.

– Лодырь! – не оборачиваясь, объявил Юдзо.

Тора издал звук, средний между кошачьим урчанием и мягким рыком довольного барса.

Автомеханики и шофер посмеялись.

– Посмотреть бы, как вы завтра в школе будете девочку в кошку превращать, – мечтательно высказался Ямато.

– Она сама будет в кошку превращаться, – поправил Тора.

– Это как? Она ёкай? – изумился старший из двух автомастеров.

– Нет. Актриса. Сделаем видеозапись номера – сами увидите.

– Вы мне к завтрашнему дню руль исправите или нет? – грозно напомнил Юдзо.

– В чем проблема, Юдзо-сан? – забеспокоился Ямато. – Я выполнял все тест-драйвы на этой машине. Она отлажена идеально!

– И я говорю, что нормальный руль, – вставил старший мастер.

– А я вам говорю, что я пальцем машину развернул на пол-оборота с вашим «нормальным рулем»!

Нервозность молодого господина в Доме уже воспринимали адекватно, то есть понимали, что для Юдзо грубоватый приказной тон и постоянные недовольства всего лишь манера поведения, хоть и не самая приятная. Поэтому на попытку Тора одернуть брата, автомастер лишь качнул головой, мол, всё в порядке. А Тора почему-то вспомнил про раскрашенные гири и штангу в студии, ошибочно принятые за бутафорию.

– Юдзо-сан, давайте вместе прокатимся, посмотрю..., – начал Ямато.

Но второй автомеханик – он же шофер на подхвате – перебил.

– Предлагаю тест для начала. Юдзо-сан, – он живо раскопал на верстаке длинную металлическую трубу. – Согните, пожалуйста.

– Что? – Юдзо уставился на поданную ему деталь.

– Просто согните.

– Типа в руль, что ли?

Тора затаил дыхание, ибо уже понял, как работала мысль догадливого мастера. Юдзо в моменты своего бурного недовольства мысленных пассажей не замечал, поэтому, ничего не заподозрив, взял у автомеханика трубу и одним движением согнул ее в кольцо.

– И что дальше? – осведомился он.

Ямато уставился на трубу, превращенную в модель рулевого колеса, старший автомеханик аж задохнулся от изумления, а его молодой коллега преспокойно подытожил.

– Дальше всё ясно. Снимаем гидроусилитель. Юдзо-сан, не волнуйтесь, завтра всё будет нормально с вашей новой машиной.

– Спасибо, – ответил Юдзо и стремительно вышел из гаража.

Тора вскочил с пригретого места, извинительно развел руками и поспешил за братом.

Эпизод 3: октябрь, 31-е

Тора окончательно убедился, что никакое планирование не может быть однозначным, если в деле участвуют юные представительницы женской половины человечества. И мысленно поблагодарил Юдзо, который по собственной инициативе поднял всю команду помощников на час раньше срока. Таким образом, Тора и Маракайто застали и громкий скандал одноклассниц по поводу вчерашней разрисовки полотна, и опоздавшую критику постановки танца, и авральные переделки накидок – костюмов танцовщиц, и нервотрепку из-за нехватки фонариков, коими предполагалось подсвечивать бумажные тыквы. Тора выслушал жалобы Миуры на девчонок, «которые ничего не слушают», затем живо построил языкастых парней, вызванных на помощь в оформлении зала, но по факту только мешавших одноклассницам. И, наконец, при участии Маракайто навел порядок в расстроенных чувствах девушек посредством четких распоряжений, выданных мягким, спокойным, но властным тоном.

Кто и как отвоевал у организаторов фестиваля место под «крышу», Тора не узнал. Но сумел убедить возбужденную Акико в том, что лишние полметра высоты для него не проблема, зато выполнять акробатические элементы на полу перед сценой будет гораздо удобнее. Решающим аргументом стало напоминание о финальном трюке «кошки», который вчера, после тщательной отработки, договорились все же исключить из номера как раз по причине недостаточной глубины и высоты школьной сцены.

– А наша крыша выдержит? – засомневалась юная акробатка.

– Я поймаю тебя на руки, – уверил Тора. – Рассчитай свое сальто так, чтобы закончить его в положении сидя. Остальное – моя работа.

– Тора-сэмпай, вы хотите успеть и подкинуть меня, и прыгнуть на крышу, и поймать? – удивилась Акико. – Но без отработки на месте я могу промазать на приземлении.

– Не можешь. Потому что ты будешь кошкой, а кошки всегда знают, где закончат свой

прыжок.

– Моя кошка сделает двойной бланш! – обрадовалась Акико. – Это будет ее настоящее признание в любви: не взирая ни на какие препятствия – к своему избраннику.

Одноклассницы прорепетировали свой танец с фонариками-тыквами прямо в классе, и Мидзуки на ходу сочинила новый финал – рассесться с двух сторон от крыши и тем самым добавить хэллоуновский колорит акробатам. И тут приятель Миуры, кому было поручено устанавливать реквизит на сцене, сообразил спросить деятельного Маракайто, как предполагается крепить разукрашенное под черепицу полотно на каркасе и как сам каркас будут крепить к полу. Маракайто, как уже повелось, разразился очередной многословной тирадой. До сих пор ему удавалось затушевывать скользкие ответы на неудобные вопросы, но во всех прежних ответах содержалась доля правды. А по поводу крепежа он понес полную чушь, не соответствующую даже школьным представлениям о физике. По-настоящему крепеж реквизита к полу, а заодно и небольшую модификацию скользкого по фактуре полотна, должны были обеспечить четыре маленьких ловких аякаси из числа жителей домашнего парка, прибывшие в школу в его карманах.

Завязался спор, поскольку откровенную чепуху в ответе распознал Миура, тоже назначенный на роль «работника сцены». Тора готов был вмешаться магическими средствами, дабы снять вопрос с повестки дня, но вступилась староста Минами Саки. Причем не по собственной инициативе, а после серии тычков и подмигиваний со стороны Мидзуки.

– Вам человеческим языком сказали: баланс – великая сила природы. Синохара, ты сам видел, что Тора-сэмпай выделывал здесь со стулом.

Миура покосился на Тору и пожал плечами.

– Тут был стул. А там будет длинный забор под скользкой тряпочкой, – буркнул он себе под нос, но прения не возобновил.

– Всё! Всем, кто выступает, наряжаться! – Мидзуки звучно хлопнула в ладоши и с любопытством посмотрела на Тору.

До начала концерта оставалось больше часа, и Тора не планировал всё это время разгуливать по школе в истинной форме, поэтому сделал вид, что объявление к нему не относится. А Акико, уже познакомившаяся со своим костюмом визуально, бодро помчалась в женский туалет переодеваться и гримироваться. На удачу Тору в это же время на контакт сознаний вышли близнецы, орудовавшие в зале с ноутбуками и портативной звуковой системой. Вопрос опять стоял о реквизите, но Тора, прежде чем идти разбираться с очередной группой недовольных, попросил братьев для вида позвонить ему на мобильный.

Когда он спустился в зал, конфликт был уже разрешен, но ценой инкогнито Юдзо, который до сих пор не показывался в школе. Тора бегло оценил плотность девичьих ступоров на единицу площади, обнаружил среди раскрасневшихся собеседниц брата двух молодых преподавательниц и обреченно вздохнул.

«Тора, смотри! Магия очарования в действии!» – объявили Като и Фума в пространстве сознаний.

«Я не давлю людям на мозги, как это делает Рику! – возмутился Юдзо также безмолвно. – И вообще, когда я сюда зашел, тут было только трое, кроме вас».

Тора пересчитал присутствующих девушек в настоящий момент и вздохнул второй раз, представив объемы сплетен, которые расползутся по школе после этого фестиваля.

Однако внеплановые проблемы не закончились реакцией старшеклассниц на явлении беловолосого красавца в туманных очках. Тора вернулся в класс, рассчитывая увидеть Акико в полной готовности и оттестировать ее «хвост» на предмет вмешательства в подвижные элементы номера. Но акробатки в классной комнате не оказалось, равно как и половины

девушек класса, а Маракайто доложил, что Акико опять рыдает – на сей раз, закрывшись в женском туалете.

– Что случилось? – забеспокоился Тора.

– Что-то с косметикой не заладилось. Подружек не слушает, а я туда пройти не могу.

– Вызывай сюда Го, – распорядился Тора.

– Я лучше сбегаю за ней. Она стесняется одна и вообще...

– Мара, некогда, – перебил его Тора. – Путь хоть бегом, хоть в истинной форме в окно – прикрою.

Го предпочла побороть стеснение, а не сигать с дерева в окно второго этажа в облике волчицы. Поставленную задачу она поняла моментально, сняла черный пиджак, оставшись в белоснежной блузке и черном жилете, подчеркивавшем детали женской фигуры, и в таком виде решительно направилась в женский туалет. Через полминуты в коридор начали выходить одноклассницы. Мидзуки выскочила одной из последних, растолкала всех и бегом кинулась в класс.

– Тора-сэмпай! Сейчас ее умоют и приведут, – доложила она.

– Что там произошло, Мидзуки-сан? – доверительным тоном осведомился Маракайто.

– Она даже кисточку для пудры держать в руках не умеет! – воскликнула Мидзуки. – Ей помощь предлагали, а она уперлась, мол, хорошо знает, как ее мама красит перед выступлениями.

Тора для вида взялся за мобильник, хотя с братом уже переговорил без технических средств.

Зарёванную, но тщательно умытую Акико Го привела минут через пять. Юдзо уже находился в классной комнате – стоял, отвернувшись к окну, сохраняя непоколебимую невозмутимость под взглядами ошеломленных девушек, узревших субъекта вчерашних своих обсуждений во всех деталях.

Тора дождался, когда Юдзо приступит к созданию кошачьей мордашки на лице Акико, и отправился «переодевался» в мужской туалет, дабы имитировать облачение в костюм по всем правилам. Размещение на бедрах спортивных трусов белого цвета заняло дополнительно время после того, как Маракайто раскритиковал длину заднего разреза, сделанного для обеспечения свободы хвоста. Тора готов был уже высказать свое «фэ» Юдзо, который вчера на примерке ничего специального про хвост ему не сообщил. Но тут через закрытые двери и весь коридор почуял, что в классе опять происходит нечто непредвиденное.

«Двигай сюда бегом! – потребовал Юдзо. – Пока эта болтушка не умножила нас всех на десяток».

Вторую часть «фразы» Тора не понял, но требование выполнил.

Звонкое «Мама!» из уст Акико внесло кое-какую ясность и в ситуацию, и в высказывание Юдзо.

– Тора-сэмпай! Моя мама приехала смотреть наших кошек! – радостно объявила юная акробатка, чуть только Тора появился на пороге.

Изящная спортивного телосложения женщина обернулась, и напряженная улыбка на ее губах преобразовалась в озадаченную гримасу.

– Мама, у нас новый номер! Мы только музыку взяли старую, – торопливо предупредила Акико и, наконец, увидела Тору «в костюме». – Вау!

– Добрый день, Ёкота-сан, – вежливо поздоровался Тора и улыбнулся своей партнерше. – Отлично выглядишь, Аки-тян.

– Грим просто чудесный! – бодро заявила Акико. – Юдзо-сан настоящий художник!

Тора поймал себя на том, что в облике Юдзо сейчас чего-то не хватает, но мысль до конца не довел, ибо в этот момент от шокового оцепенения очнулась мама Акико.

– Тора-кун? Добрый день! Рада познакомиться, – она бросила взгляд на дочь и

профессионально заметила. – Гармоничные костюмы.

– Это Юдзо-сан моделировал! – опять встряла Акико.

Судя по ее настроению, с мамой она давно помирилась. Но сейчас опасалась, как бы мама не догадалась об истинном содержании «нового номера под старую музыку».

– Тот костюм моделировал не я, – Юдзо усмехнулся.

Тора почувал, что у брата так и вертится на языке фраза о непосредственном участии папы в моделировании «того костюма», поэтому остановил его строгим взглядом. И одновременно с этим понял, чего не хватает в облике Юдзо, вернее на его лице.

«Где твои очки?»

«В кармане».

«И ты раскрашивал Акико, не скрывая глаз?» – Тора живо глянул на партнершу, но не заметно было, чтобы она обратила внимание на такую мелочь, как вертикальный зрачок на янтарном фоне радужки глаз самодеятельного визажиста.

«Ты бы свои глазищи притушил», – парировал Юдзо.

«А я в костюме», – заявил Тора со смехом в мысленном тоне.

– Очень красиво получилось. А носик – само очарование, – Ёкота-сан оглядела грим дочери. – А над бровками штрихи зачем?

– Это вибриссы, – подсказал Юдзо.

– О, верно. Юдзо-сан, вы профессиональный художник?

– Любитель.

Тора взглядом попросил брата обеспечить маме Акико повышенное внимание, дабы акробаты могли без помех начать разминку. Но Ёкота-сан мигом среагировала на перемещение обоих в сторону двери, где парты были сдвинуты ради обеспечения площадки для репетиций.

– Ой, стоп, стоп! Мальчика тоже нужно покрасить. Акико, что ж ты мне не сказала, когда у вас начало подготовки? – она принялась рыться в сумочке. – Я и косметику, и грим захватила.

– Нет-нет, косметика и грим отменяются, – Юдзо поспешно ее остановил.

– Как так? Мальчика нужно...

Юдзо показал ей угольный карандаш.

– Краска и косметика противопоказаны. Наследственность, увы.

И он для иллюстрации тряхнул своими белыми локонами.

– Ой, – Ёкота-сан смущенно улыбнулась.

Тора про себя отметил, откуда у Акико столько манерных ужимок.

– Мам! Их всего семеро, представляешь! – восторженно доложила Акико. – А у Като и Фумы – это близнецы, помнишь, я говорила? У Като и Фумы только гребни на головах белые. Такие! – она попыталась показать гребень на себе, но наткнулась рукой на плюшевые ушки и смущенно хихикнула. – А их папа, белый как солнце летом.

– Аки-тян, – предупредила Ёкота-сан строгим тоном.

– В семье есть и нормальные брюнеты, – будничным тоном вставил Тора, усаживаясь на парту перед братом.

Юдзо в несколько штрихов нарисовал на его лице «кошачий грим».

– Великолечно! – совершенно раскрепостившаяся Ёкота-сан похлопала в ладоши. – Как настоящий кот. Аки, что стоишь? Разогреваться, разогреваться!

Тора и Акико разминались на тех элементах, где не требовалось непосредственное взаимодействие партнеров. Ёкота-сан бурно восхищалась и синхронностью, и кошачьей пластичностью обоих, но пока ничего не заподозрила. А Юдзо выслушал десяток предположений на тему чем и где «занимался Тора-кун». В «доморощенный талант» бывшая воздушная гимнастка не поверила, но ее гадания закончились с началом концерта – снизу стала слышна громкая бодрая музыка.

Тора напрасно рассчитывал просочиться в зал незамеченными без магических подспорий. Вход на сцену из коридора заблокировали ведущие концерта и ребята из школьного хора, поэтому «коту и кошке» пришлось пробираться к своим одноклассникам между опоздавших зрителей, стоявших в проходе, и многочисленных участников фестиваля, ожидавших своей очереди вдоль стен, поодаль от зрительских рядов. Тора всячески прикрывал собой партнершу, дабы в толкучке ей не помяли костюм. Но кто-то из выпускного класса бессовестно дернул его самого за хвост. Реплика – ого, как настоящий! – потонула в грохоте музыки, под которой на сцене уже прыгали «оборотни», «вампиры» и «ведьмы».

Одноклассницы жались в уголке, тщательно оберегая свой реквизит – бумажные фонари в форме тыкв. Тора поставил Акико в центр немногочисленной группы, а сам взялся грудью прикрывать девушек, которых представители старших классов норовили вытеснить из удобного угла. Все попытки парней из театрального «второго-Бэ» сдвинуть низкорослого «кота» с места, закончились ничем. Мидзуки живо просекла, что теперь, за спиной Торы, проблема размещения решена раз и навсегда, и не замедлила протянуть язык в адрес посягавших на площадку. Тора понимал, что, заняв позицию защитника, подставил на обозрение одноклассниц свою спину вместе с хвостом, но решил, что в полутьме никто не заметит отсутствие швов и застежек. В какой-то момент он услышал позади звонкий шлепок – очевидно, ладонью по руке – и возмущенный голосок Акико: «Не трогайте его костюм! Это не игрушка!»

«А это и не костюм!» – весело «включились» Като и Фума.

«Лучше бы вы здесь разместились со своей аппаратурой», – заметил им Тора.

«Оттуда нас прогнали», – признался Фума; Като добавил. – Нам придется сидеть за сценой».

На сцене в это время сменился состав выступавших: «оборотни», «вампиры» и «ведьмы» ускакали за кулисы, а вместо них вышел певческий ансамбль и выстроился на манер классического хора. Популярную среди молодежи песню из импортного фильма старшекласники пели на английском а-капеллой, то есть без музыкального сопровождения, и если бы не корявости в языке, Тора слушал бы чистые, сильные голоса с удовольствием. Впрочем, английским в совершенстве владели единицы, поэтому ошибки проскакивали мимо ушей большинства зрителей концерта. Но вдруг, когда в конце второго припева хор дружно повторил вопиющий грамматический ляп, вместо сюжетной паузы раздался далекий собачий вой. Кабы текст песни был дословно понятен всем, неожиданное дополнение публика отметила бы более эмоционально. Но здесь хорошо знали только сюжет фильма о вампирах и оборотнях, поэтому шорох и пересмешки в зале были сдержанными.

«Тора, это кто подвывал?» – насторожились близнецы.

Тора быстро срисовал обстановку своими ёкайскими силами.

Маракайто караулил реквизит акробатов в коридоре вместе с «работниками сцены», и вообще не слышал посторонних звуков. Это означало, что вой был направлен строго в зал. Го находилась слишком далеко – на автостоянке – и не могла принимать участие в «подпевке». Подозревать Инукай-сана в такого рода самодеятельности было глупо, хотя Инукай оставался во дворе школы вместе с племянником. Дэнбей в последнее время стал намного проще в общении благодаря участвующим контактам с Ичиро, но в магии он был не силен, поэтому даже если бы Ичиро и Рику, незаметно проникшие в зал в начале концерта, и уговорили его подшутить над выступавшими, он не сумел бы сконцентрировать звук собачьего голоса в ограниченном пространстве.

Юдзо, взявший на себя сопровождение мамы Акико, стоял недалеко от сцены с противоположной Торе стороны. Проследив за его выразительным взглядом, Тора обнаружил след скрытого магического узора, начинавшегося в задних зрительских, где расположились

глава семейства Накадзима и Хирото.

«Пап, парад ста ёкаев в августе, а сейчас Хэллоуин», – напомнил Тора.

Отец хитро улыбнулся, не глядя в сторону сына, и Тора понял, что «добавки» к номерам не ограничатся имитацией волчьего воя.

Так и получилось.

Попытка «первого-А» показать косплей по теме некромантов со скелетами и зомби неминуемо закончилась бы провалом из-за отсутствия сюжета номера, кабы ни вдруг засиявшие «кости скелетов» и откуда ни возьмись наплывший туман.

«Пап, зачем ты чужим подыгрываешь?!» – возмутились Като и Фума.

«Здесь не соревнование и не конкурс, – откликнулся папа-кицунэ так, чтобы ответ на заданный в семейное всеуслышание вопрос тоже услышали все. – Это концерт! Я всего лишь слегка помог ребятам повеселить зрителей».

В дверях зала, открытых по случаю большого количества гостей школы, началось движение, и Тора увидел Наканиси Киру и ее коллегу-инженера, спешно устанавливавшего на штатив цифровую видеокамеру. Там же находились директор школы, оба завуча и несколько учителей. Очевидно, о съемке они были предупреждены, но не ожидали, что «уважаемый спонсор» распорядится снимать не только выступление своего отпрыска, но и весь фестиваль.

После косплея, спасенного от провала магическими средствами, на сцену вышли ребята из школьного танцевального клуба. И постановка, и исполнение, и костюмы произвели на зрителей сильное впечатление с первых тактов танца. А неожиданно возникший на заднике сцены хоровод синих огоньков, сложившийся в изображение тыквы, вызвал лавину громкого восторга. Чуть ли ни громче и активнее всех зрителей вопил и прыгал Хирото. Глядя на него, оживились сидевшие поблизости младшеклассники – чьи-то младшие братья. Шум в зале не смутил танцоров, а лишь подзадорил, и солистка – она выступала на пуантах – выдала великолепное фуэте без единой ошибки.

Тора и рад был бы любоваться прекрасным выступлением, но опять помешали обстоятельства, созданные, на сей раз, силами Ичиро, а точнее – его внешним видом. Теперь Тора выслеживал на слух источник, откуда в ряды зрителей просочилась информация – «среди гостей стоит парень с настоящими вампирскими клыками». Выловив из шума продолжение разговора старшеклассниц, Тора успокоился: девушки обсуждали, «в каком салоне он сделал такие клыки», и судачили на тему современной пластической хирургии.

Отрицательные эмоции непосредственно у себя за спиной Тора едва не упустил из виду и резко обернулся на реплику Минами Саки: «После такого танца наши фонарики на смех поднимут». Мидзуки обозвала ее дурочкой и покосилась на Тору. Он поспешил отвернуться.

«Эта девочка прямо-таки жаждет, чтобы ты заинтересовался ее подружкой, – прокомментировал Юдзо. – Вот только подружка всякий раз дает «неправильные» поводы».

«И что мне делать?» – обреченно поинтересовался Тора.

«Я бы на твоём месте пригляделся к Мидзуки. По крайней мере она не пытается казаться той, кем не является».

«Какой мне смысл приглядываться к девчонкам?»

«Это тебе практическая задачка по человеческой психологии».

Тора увидел через головы зрителей, как Юдзо улыбнулся ему. Ёкота-сан заметила его взгляд и дружески помахала рукой Торе и выглянувшей из-за его плеча Акико.

После короткой репризы двух ведущих и объявления номера «первого-Дэ» Минами, Мидзуки и еще четыре девушки спешно зажгли свои «тыквы» – внутри бумажных шаров были спрятаны обычные фонарики на батарейках. Но вместе с этим над сценой всплыла огромная серебряная луна.

Тора бросил быстрый взгляд на отца, но убедился, что он лишь консультант этого «спецэффекта».

«Так держать, Чернобурка!» – «громко» – то есть для всех Накадзима – объявил Ичиро.

«Тора, – жалобно прозвучало дуэтом в сознании Торы. – Папа вредничает! Скажи, где тормозить. Где там потолок?»

Тора скомандовал близнецам остановить подъем иллюзорного шара-луны, и лишь после этого включилась музыка для выступления девушек с тыквами-фонарями.

– Кто это всё делает? – шепотом спросила Мидзуки.

– Всё под контролем, – обронил в ответ Тора.

Девушки в балахонах то ли ведьм, то ли фей, начали свой неказистый танец, и Тора, наконец, получил возможность морально подготовиться к предстоящим трюкам.

– Аки-тян, превращаемся кошек, – подмигнул он партнерше.

– Угу, – Акико зажмурилась, несколько секунд постояла так, вытянувшись, как солдатик, и открыла глаза. – Ня!

– Точно? – с улыбкой переспросил ее Тора.

– Ня-я.

Он слегка рыкнул.

– Ня? – Акико изобразила удивление и тихонько рассмеялась.

«Работники сцены» – Миура и его школьный друг – по команде Маракайто вытащили «крышу». Вслед за ними выскочили четыре аякаси, но этих помощников никто, кроме Накадзима и сотрудников Дома не увидел. Зато Ёкота-сан в деталях разглядела конструкцию. Тора наострил уши. Юдзо предупредил: не отвлекайся, с мамой-режиссером справлюсь сам.

– Тора-сэмпай, а как вы налево пройдете? – вдруг испугалась Акико.

Тора смерил взглядом расстояние, которое ему теоретически предстояло пробежать перед первым рядом зрителей, чтобы занять свою стартовую позицию.

– По-кошачьи незаметно, – ответил он, глянул на отца и Хирото и кивнул партнерше. – Начали?

– Угу.

Акико сморгнула и изумленно ойкнула: партнер исчез.

Тора помахал ей рукой из-за левых кулис и по ее губам прочел: «Настоящий кот!»

Девушки с фонариками расселись с двух сторон перпендикулярно зрительским рядам, обозначив площадку для акробатов. Луна над крышей вспыхнула серебристым сиянием, и черная кошка грациозно вышла на сцену, как на карниз.

Первая скороговорочная фраза Ёкоты-сан: «Что ж ты делаешь, Аки, разве мы так репетировали?» – оборвалась изумленным вздохом.

– Кошка, – растерянно пробормотала она и подняла потрясенный взор на Юдзо. – Посмотрите, это же кошка!

Юдзо с удовольствием кивнул. А Акико тем временем самозабвенно наводила кошачий марафет по всем кошачьим правилам.

Акробатический выход кота заставил зал ахнуть, а бывшую цирковую гимнастку вздрогнуть – Ёкота-сан поняла и назначение «крыши», и истинный смысл слов дочери «новый номер».

В следующие полминуты она стояла в немом оцепенении, зажав рот обеими ладонями. А черная кошка на крыше, приковав к себе внимание всего зала, самозабвенно играла с белым пятнистым котом.

Когда относительно безобидные элементы сменились серией изошренных прыжков и поддержек, в зале поднялся восторженный гул, а Ёкота-сан обессиленно прислонилась спиной к торсу своего сопровождающего, будто не юную Акико, а ее, выдавшую виды цирковую гимнастку, Юдзо учил вчера верить в силы партнера.

– Нечеловеческая ловкость, – еле слышно пробормотала Ёкота-сан. – А Аки... Аки-тян... она просто летает у него в руках!

Акико в этот момент пятилась в проход между стульями, будто что-то или кто-то оттащивал ее от кота. Тора не особо увлекался театральной игрой со своей стороны, зато очень внимательно и быстро оценивал предстоящий трюк.

– Аки, не надо, – пробормотала мама-циркачка, осознав, что намерена сотворить ее дочь.

– Ёкота-сан, Акико пора вылетать из гнезда, – быстро произнес Юдзо над головой ошеломленной женщины.

Акико с короткого мощного разбега выполнила два фляка, оттолкнулась от подставленных рук партнера и взлетела чуть ли ни к потолку. Тора заскочил на «карниз» – узкий участок сцены перед конструкцией «крыши» – посредством открытого сальто назад без использования рук, выпрямился и... Понял, что Акико не попадет на карниз с той траектории, на которой накручивала двойное бланш-сальто с винтовым поворотом. Незапланированный, но морально подготовленный прыжок кота на конек крыши получился низким, а подъем на ноги резким, ибо Тора спешил поймать партнершу на руки, как в гамак. Однако его неартистичный элемент остался без внимания – зал смотрел только на отважную черную кошку.

Инерцию Тора погасил мышцами собственных рук и торса, не двинувшись с места ни на волос. Акико доверительно прижалась к коту, и Тора под финальный аккорд музыкального сопровождения элегантно обвил хвостом ее ножки в кошачий тапочках.

Последовало немое секундное замешательство, и зал разразился бурной овацией.

Тора в два бесшумных прыжка очутился на полу перед сценой, поставил партнершу рядом и отступил назад, предоставив ей по праву исполнительницы главной роли принимать восторг зрителей. Пятнистый хвост рефлекторно выгнулся в «знак вопроса». Тора спохватился, но исправляться не стал, рассудив, что сейчас его «костюм» никого не интересует. Однако по этому пункту он ошибся: Ёкота-сан во все глаза взидала на мальчика в кошачьей шкуре. Юдзо поспешил сделать ей комплимент, указав на ее талантливую дочь. Но женщина лишь механически кивнула, пробормотала «спасибо», и вновь уставилась на Тору.

– Это нереальная сила, – выговорила она. – Это... магия какая-то.

– Сегодня Хэллоуин, – затаенным шепотом напомнил Юдзо и своевременно отбил ментальное вмешательство Рику, ринувшегося на помощь ради сохранения инкогнито ёкаев.

«Рику, – строго позвал сына Накадзима-старший. – Там разберутся без тебя. А директора и учителей убеди, пожалуйста, что у акробатов была хорошая страховка».

«Понял», – откликнулся Рику и направил свои телепатические флюиды в сторону ошарашенных учителей.

Тора рассчитывал проскочить в коридор, пока одноклассники выносят «крышу». Но овация затянулась и грозила перерасти в требование «на бис». Акико профессионально успокоила зал парочкой простеньких трюков, выполненных по высшему классу артистизма, Тора подыграл ей в меру сил и в рамках своей роли, и лишь после этого акробаты получили возможность уйти со сцены.

Тора ненавязчиво направил Акико налево, к ее маме, а сам скрылся за правыми кулисами. Но в коридоре попал точно в центр компании третьеклассников во главе с председателем школьного совета. Вопросы посыпались со всех сторон: «Ты откуда такой взялся?», «Где ты учишься?», «В каком шоу выступаешь?»

– Это Накадзима Тора из нашего класса! – громко объявил Миура из-за спин организаторов концерта.

– О! Да это же тот юный гений, который пойдет из первого сразу в третий класс! – добродушно воскликнул председатель.

Кабы не вмешательство Миуры, Тора давно бы скрылся под кошачьей аурой и не оставил бы за собой даже воспоминаний. Но сделать это теперь, при своих, не позволила совесть.

– Какие ушки! – беззастенчиво восхитилась крупная девушка с большим бюстом.

К Торе потянулись девичьи руки. Он позволил погладить себя по шкуре на плечах и голове, дабы не портить настроение доброжелательным старшекласникам.

– Костюм как настоящий! – воскликнул Миура, протолкнувшийся к товарищу.

Маракайто находился в тупике коридора, где аякаси, собравшись из четырех в двух субъектов под человеческими оболочками, размонтировали «крышу». Приятеля Миуры он быстро занял делом – велел сворачивать полотно, но не успел выдернуть аллергика из компании Торы.

Миура громко чихнул.

– Ого. Это из шерсти? – испугался он.

– При создании этого костюма не пострадала ни одна кошка, – сообщил ему Тора, но постарался отступить подальше и так уперся спиной в бок председателя.

– Вот это да! Белый леопард, – констатировал юноша. – Слушай-ка, а где всё это застегивается?

– Там, где не при девушках, – живо нашелся Тора, чем вызвал смущенный смешок полногрудой девицы.

Маракайто тем временем переместился из тупика коридора в противоположный его конец.

– Тора-сан! Тора-сан! Вас зовут! – объявил он.

– Извините, – Тора мигом воспользовался созданной «лазейкой».

Оказавшись в своем классе в одиночестве, Тора быстро магическими средствами стряхнул с себя запах косметики старшеклассниц и с тоской подумал про Миуру. Он недавно читал про аллергию, дабы подковаться на случай въедливых вопросов по поводу белой шевелюры своей и братьев, но до сих пор не задумывался, сколько страданий может причинить человеку эта вроде бы безобидная болезнь. А Миура по-настоящему страдал. Не из-за слезящихся глаз и потока соплей, незамедлительно появлявшихся при любом, даже самом коротком контакте с животными. А из-за невозможности общаться с теми, кого любил всем сердцем и уважал до глубины души. В четверг, когда Миура рассказывал одноклассникам о кошках, Тора про себя восхищался широтой и объемом его познаний. Когда-то раньше он слышал, как юноша говорил о ветеринарии и о том, что хотел бы пойти по стопам бабушки и мамы, нынешней владелицы и ведущего специалиста частной ветеранской клиники. В прошлый раз он не потрудился понять, почему Миура говорит о вроде бы желанном будущем с такой тоской. Теперь чувствовал всю глубину трагедии человека, отрезанного от своей мечты непреодолимой пропастью.

Мысли о создании лечебного заклинания полезли в голову вопреки сознательной установке не вмешиваться в человеческие судьбы.

«Тора, – решительно позвал Юдзо. – Мы включились в проект по борьбе с неизлечимыми болезнями людей. Что ты себе опять мозги заворачиваешь в узел? Дунь ты на этого мальчишку по-своему, и пусть шагает за своей судьбой с четвероногим сопровождением».

«Предлагаешь мне взять на себя роль ками?» – горько усмехнулся Тора.

«Ну, как знаешь!» – раздраженно «воскликнул» Юдзо.

Но Тора видел, что брат прекрасно понимает разницу между случаем Миуры и ситуацией, сложившейся вокруг Акико: направить человека по тропе иной судьбы – совсем не то же самое, что помочь реализовать желание своими руками.

Тора вздохнул и принялся натягивать на себя брюки. Когда дело дошло до ремня, он спохватился: прежде следовало бы обернуться человеком, а уж потом надевать школьный гакуран. Но в классной комнате он был один, поскольку все участники фестиваля остались в зале смотреть выступления других классов и школьных клубов, а потому беспокоиться было

не о чем.

Вдруг из коридора повеяло человеческим духом.

«Миура?» – удивился Тора, моментально обернувшись, живо закончил с ремнем и принялся разыскивать майку в пакете с одеждой.

Майку он надеть успел, а рубашку – нет. Но на осторожный призыв из-за приоткрытой двери – Тора-сэмпай, вы здесь? – откликнулся утвердительно.

Миура заглянул в класс, увидел Тору без «кошачьего костюма» и с опаской оглядел парты и стулья, возле которых тот переодевался.

– Проходи, – предложил Тора. – Шерсти здесь нет, я всё уже убрал.

– Извините, – пробормотал Миура, прошел вперед, остановился возле доски и заговорил, глядя в пол перед собой. – Тора-сэмпай, это была настоящая шерсть. Я на синтетику не чихаю. Вы сказали, что кошки не пострадали. Но шерсть не кошачья. Это шкура белого барса, правда?

Он рискнул поднять глаза, и Тора увидел под стеклами очков укоризну, граничившую с осуждением.

– Миура-кун, – он открыто улыбнулся. – Клянусь, тот белый барс жив и здоров.

– Да? – Миура подозрительно оглядел Тору, спохватился и поспешно спрятал взгляд. – Простите. Я так и думал на самом деле. Я знаю, вы никогда бы не позволили убить ни кошку, ни барса, ни вообще... Просто решил спросить.

Тора с интересом присматривался к однокласснику. Спросить тот хотел не только про шкуру, это отчетливо читалось в красочном букете эмоций. Но так же отчетливо Тора видел сомнения юноши, колебавшиеся на отметке «пятьдесят на пятьдесят».

«Если задаст вопрос прямо, сдую с него его аллергию», – решил для себя Тора и так разрешил компромисс между личным желанием и принятой как правило установкой.

Внимание отца и братьев он почувствовал на себе так, будто все дружно обратили на него реальные взгляды.

– Я еще спросить решил, – невнятно продолжал Миура. – Но сначала хочу рассказать одну историю. Если вам интересно, Тора-сэмпай.

– Интересно, – ответил Тора, уселся на парту и взглядом предложил Миуре разместиться на соседней.

Тот неуклюже взгромоздился на столешницу, поправил очки, покосился на Тору, но остановил себя от разглядывания жилистых плеч и рук.

– Это семейная история, – начал Миура. – Бабушка мне часто ее рассказывает. И всегда почти одинаково. Но я покороче расскажу. Мой дедушка дружил в юности с одним человеком. Я сам дедушку не знаю. И даже мама его не помнит. Его убили, когда она совсем маленькая была, а фотографий не осталось. В общем, так. Дедушка дружил с одним человеком. Его звали Сиро Кирью. Очень хороший человек. Он дедушке помогал часто. С бабушкой познакомился, когда ее за дедушку замуж выдали. На свадьбе у них был. За мамой присматривал, когда она родилась, а бабушка заболела. Но дедушка бабушке говорил, – Миура шумно сглотнул. – Говорил, что Сиро-сан на самом деле не человек, а настоящий ёкай. Бабушка вроде бы сначала не верила, а потом как бы почувствовала, что верит.

Миура осторожно посмотрел на слушателя. Торе не требовалось изображать заинтересованность, ибо любопытство охватило его с первых же внятных фраз рассказчика.

– Тора-сэмпай, вы верите в ёкаев?

– Да, – просто ответил Тора.

Миура опять спрятал взгляд.

– Я так и думал, – пробормотал он и продолжал на порядок увереннее. – В общем, бабушка дедушке верила, когда он говорил про Сиро-сана. А потом сама уверилась. В день, когда дедушку убили. Он служил в конюшнях у какого-то богатого человека, лечил лошадей,

и ему велели подрезать сухожилия коня, который был лучшим на скачках. Дедушку скачки не интересовали, но он лошадей очень любил, поэтому отказался калечить коня. А дома бабушке всё рассказал. Он ведь не знал, как там всё сложно и опасно. На следующий день он вечером не вернулся. Бабушка с маленькой мамой ждали его ждали, и вдруг бабушка увидела в окно во дворе белого лиса. Такого белого-белого, – Миура зажмурился, будто сам лично видел явление кицунэ. – Лис как бы бабушку стал во двор вызывать. Она поняла, схватила маму и убежала из дома. Лис показал, где ей спрятаться, а она услышала, как в доме кто-то шумит. Она думала, дедушка пришел и на него напали, хотела сама бежать помогать дедушке, но лис не пустил. И сказал: я не успел защитить друга, но тебя и вашу дочь уберегу. Бабушка плохо помнит, что потом было. Вроде бы лис ее увел из города совсем. Или уже не лис, а Сиро-сан. Поселил ее далеко в другом городе, с деньгами помог, но попросил, чтобы она продолжила дело дедушки – она ведь тоже была ветеринаром, только она лечила обычных домашних животных, а не лошадей. Потом он исчез куда-то. А бабушка создала ветеринарную больницу. Мама, когда выросла, тоже стала ветеринаром.

Миура умолк, глядя в сторону.

– Сиро-сан больше не показывался? – спросил Тора.

– Нет. Но однажды бабушке и маме пришла новогодняя открытка без подписи. Открытка куда-то пропала потом, но бабушка теперь уверена, что поздравления написал Сиро-сан.

– Ты сам не видел открытку?

– Я тогда только-только родился, – Миура отважился посмотреть на Тору. – Тора-сэмпай, вы хэнгэ, да?

Вопрос был настолько неожиданным на фоне тона и мимики юноши, что Тора в первый момент не поверил своим ушам.

– Да, – ответил он.

Миура кивнул.

– Я так и думал. Значит, вы и есть тот самый снежный барс, который жив и здоров.

Тора встал, бесшумно обошел парту, где сидел Миура, и походя обернулся в истинную форму.

– Простите, сэмпай, я сейчас опять обчихаюсь, – смущенно предупредил Миура, покосившись на руку, покрытую густой белой с пятнами шерстью.

– Аллергия – детская болячка, а ты уже взрослый парень, – шепнул Тора ему в затылок. – Нет у тебя никакой аллергии. Осталось только убеждение, от которого нужно избавиться.

Миура на несколько секунд застыл, а затем осторожно оглянулся через плечо.

– Не веришь, проверяй сам? – улыбнулся ему Тора и протянул руку.

Миура, не сводя взгляд с зеленых кошачьих глаз, провел ладонью по пятнистому предплечью.

– Ух-ты, какая шерсть, – восхищенно пробормотал он и шумно развернулся к Торе лицом.

– Тора-сэмпай, но если вы барс, откуда вы так хорошо знаете домашних кошек?

Тора опять был застигнут врасплох неожиданным оборотом разговора.

– Мама – кошка, – ответил он, с любопытством наблюдая за одноклассником.

Тот безусловно, безо всяких оговорок верил своим глазам, и при этом факт общения с ёкаем его нисколько не смущал.

– Странно. Ведь ваш папа... он не барс. И братья не из кошачьи.

– Среди ёкаев-хэнгэ встречаются всякие чудеса.

– Тора-сэмпай, а Сиро-сан не родственник ли вашего папы? Может быть ваш папа его знает?

– К сожалению, не знает.

– Но ведь ваш папа тоже хэнге-кицунэ, – произнес Миура и для порядка добавил. – Не так ли?

Тора неопределенно повел плечами и сказал.

– Мир обакэ огромен. Там не меньше хэнге-кицунэ, чем обычных лисиц в Японии. Всех знать невозможно.

Миура тяжело вздохнул.

– Жаль. Бабушка очень переживает до сих пор из-за открытки. Я подумал, может вы знаете, как найти Сиро-сана. Она извиниться хотела. За то, что не выполнила то, что он написал в конце – положить открытку под подушку внуку. А я тогда слишком маленький был, и мама бабушку уговорила подождать. Ведь подписи не было, и бабушка не была уверена, что писал Сиро-сан. А когда выяснилось, что у меня аллергия, такая же, как была у мамы в детстве, бабушка поняла, что Сиро-сан хотел меня вылечить, как когда-то маму, кинулась открытку искать, а она пропала.

– Если я что-то узнаю о кицунэ Сиро Кирю, обязательно тебе расскажу, – пообещал Тора.

– Бабушке передай, чтобы не переживала. А лучше просто принеси домой котёнка.

– Теперь точно принесу! Я даже знаю, где его найти, – Миура, наконец, улыбнулся. – Про вас говорить нельзя?

– А сможешь рассказать так, чтобы поверили?

– Бабушка точно поверит. И мама наверняка поверит. Вы ведь меня сейчас вылечили колдовством, Тора-сэмпай, да?

– Нет.

Миура пожал губы и напряженно посмотрел на Тору. Но не в лицо, а на мощный пятнистый хвост, покачивавшийся за спиной в положении довольного кошачьего.

– Вы хитрите, – не слишком уверенно подытожил он результаты своих визуальных исследований.

– Совсем слегка, – признался Тора. – Я не солгал: я не применял целительных заклинаний. Всего лишь развеял твои догматичные убеждения.

– Угу. Все болезни – от головы, – произнес, как процитировал Миура. – Вот только как это кошкам и собакам объяснить, которые не хэнгэ и совсем не ёкаи? Они болеют, и попробуй их убеди, что у них всё в порядке. Маме, правда, несколько раз удавалось вылечить собак уговорами. Но в основном приходится лекарствами.

По завершению концерта Торе пришлось выслушать потоки комплиментов от Ёкоты-сан и массу ее благодарностей за подарки для дочери – костюм черной кошки и любившуюся Акико шаль. Затем он получил выговор от директора школы за то, что об акробатике и страховке не предупредили заранее. Акико, намеренную вмешаться в директорский монолог, Тора остановил взглядом, но неожиданно подоспела помощь в лице президента школьного совета, который взял вину за неинформирование на себя. Одноклассники и компания, окружавшая президента, были разочарованы, узнав, что Тора «сдал костюм» помощникам и маскарадной вечеринке участия принимать не будет. А балетный клуб, устроивший организованный розыск создателей спецэффектов, остался ни с чем, поскольку главные подозреваемые – Като и Фума – благоразумно скрылись на автостоянке сразу, как только собрали свою аппаратуру.

Про инцидент на школьном дворе руководству школы и организаторам фестиваля Накадзима-старший распорядился не рассказывать, дабышний раз не акцентировать внимание на службе охраны Дома. А служба охраны в лице Дэнбея эффектно выставила за ворота группу пьяных молодых людей, намеревавшихся проникнуть на праздник в школу. Дэнбей не стал тратить время на человеческие слова, не без основания предположив, что пьяная молодежь не воспримет слова вообще. Он сразу обернулся в истинную форму и изобразил «собаку Баскервиллей». Раскраски и даже голосового сопровождения не потребовалось, достаточно оказалось роста в холке и размера пасти. Однако такая

самодеятельность вне стен особняка главе Дома не понравилась, и Инукаи выслушал нагоняй, причитавшийся ему, как дяде новоявленного «актера».

* * *

Тора и Юдзо проводили Акико с ее мамой до проспекта и неторопливо отправились назад, к школе. Маракайто уехал на машине Го одним из первых, поскольку вверенные его заботам парковые аякаси устали и ослабли в напряженной непривычной обстановке. Рику и Ичиро отбыли в составе кортежа отца, и тем самым Ичиро – он весь месяц катался пассажиром на автомобиле брата – выполнил условие Накадзимы-старшего, поставленное утром. Отец заявил, что подарит лихому вампиру-автогонщику новую машину взамен разбитой об сикигами, но только если тот проведет ночь Хэллоуина в семейном поместье.

Пререкания брата с отцом по поводу автомобилей были хорошо слышны в семейном пространстве сознаний. Однако Юдзо вслушивался в «реплики» особо тщательно, и Тора, наконец, высказался:

– Ты напрасно беспокоишься. Времена детской ревности давно прошли. Ичиро прекрасно понимает, что отец купил тебе новую машину из соображений объективной необходимости, а не в качестве демонстрации личных симпатий.

– Ты так думаешь? – Юдзо едко усмехнулся. – Тогда какого черта он насел на отца? Он мог бы приобрести себе любой автомобиль и без финансовой помощи папы.

– С каких-то там акционерных процентов?

Юдзо приостановился.

– Тора, тебе сколько раз повторять основы азбуки финансовых операций?

– Тихо-тихо, – Тора поднял руки перед собой, будто закрывался от информационного потока. – Я просто размеры этих операций пока представить себе не могу.

– Потому что мыслишь категориями кондитерского магазинчика!

– Кондитерского? – не понял Тора, но тут заметил, по какому объекту только что скользнул взгляд брата – на противоположной стороне переулочка светилась соответствующая вывеска.

Но кроме этой вывески он увидел человеческую тень, покачивавшуюся поперек тротуара под светом дежурного фонаря на торце здания. Он рефлекторно потянул носом.

– Кто это? – мигом среагировал Юдзо.

– Миура, – Тора улыбнулся.

– Что он делает возле мусорных баков?

– По-моему, ищет котёнка.

Юдзо быстро оглядел улицу и оцепенел.

– Юдзо? – насторожился Тора.

Брат сорвался с места и широким шагом пошел к магазинчику. Тора поспешил за ним, дабы Юдзо своим стремительным явлением не напугал одноклассника. Но Миура был поглощен поисками и на улицу не смотрел. Механически вытирая ладони одна об другую, он вышел на тротуар, присел на корточки и внимательно оглядел низкое крыльцо.

– Куда же они подевались? – пробормотал он, убедившись, что под крыльцо не в состоянии протиснуться не то что кошка, а даже мышь, поднялся и тут увидел подошедших. – Юдзо-сан? Тора-сэмпай!

– Не нашел? – сочувственно спросил Тора.

Миура удрученно покачал головой.

– На прошлой неделе точно тут были, – сказал он. – Им хозяин магазина даже еду оставлял.

– Поехали, – распорядился Юдзо.

– А? Юдзо-сан, куда?

– Туда, где тебя ждет твой полосатый дружок.

Миура непонимающе перевел взгляд на Тору. Тот хитро прищурился и кивнул, мол, всё верно, хотя сам не имел пока ни малейшего представления, какой именно «полосатый дружок» привиделся брату и где он находится в данный момент.

Тора сел на заднее сидение рядом с Миурой, дабы тот не робел в салоне автомашины за спиной двух ёкаев.

– Юдзо-сан, вы как-то по-особому видите? – вдруг спросил Миура.

И Тора понял, что присутствие ёкаев, равно как и их позиция, одноклассника совершенно не беспокоят.

– Типа того, – откликнулся Юдзо, снял очки и закинул их в бардачок.

Миура посмотрел в переднее зеркало, где хорошо были видны теперь лисьи глаза водителя.

– Бабушка рассказывала, – преспокойно заговорил он. – Сиро-сан однажды пришел к ним на ужин и принес с собой три чашки. А у бабушки как раз в тот вечер все чашки разбились, потому что она уронила на них кастрюлю. Дедушка посмеялся и спросил его: ты и это знал? То есть так спросил, как будто Сиро-сан не первый раз предугадывал, что произойдет.

Юдзо и Тора озадаченно переглянулись через зеркало.

– Миура, – Тора повернулся к однокласснику. – Не знаешь, как Сиро-сан выглядел в человеческом обличье?

– М... У бабушки надо спросить. Мне всегда казалось, что он пожилой. И бабушка про него иногда говорит «дедушка Сиро». Я уточню, потом расскажу. Тора-сэмпай, а как у вас возраст измеряется?

– В смысле, у ёкаев? – уточнил Тора.

– Нет. То есть у ёкаев, но у хэнгэ. У оборотней. Я хочу сказать, то есть... как бы это...

– Говори, как есть, тут нечего стесняться, – Юдзо дружески улыбнулся юноше в зеркало.

– Да я просто не знаю, как это сказать. Вот если ёкай совсем как зверь.

– Зооморфная форма, – подсказал Тора.

– О! Точно! – образовался знаток зоологии. – Вот если зооморфная форма как бы молодая, а человеческая как бы старая. Это что значит?

– Человеческая или такая? – Тора обернулся в свою антропоморфную форму.

– Ух, – Миура от неожиданности вздрогнул. – Тора-сэмпай, вас же увидят.

– Сегодня Хэллоуин.

– А, ну да. Но я не про такую. А про полностью человеческую, – он посмотрел в спину водителя.

– Человеческое обличье хэнгэ как правило только оболочка. Типа магического костюма, – объяснил Тора, проследил за взглядом юноши и добавил. – А Юдзо живет в истинной своей форме с рождения, превращаться в человека ему не нужно.

– Зато нужны очки и длинные рукава, – вставил Юдзо через плечо.

Миура смущенно улыбнулся.

– Для определения возраста ёкая, – Тора вернулся к прерванной теме, – никаких формул и правил не существует. Только чутье другого ёкая.

– Но зооморфная форма – это тело животного. Значит, и правила определения такие же, как для животных, – возразил Миура. – Я вот почему спросил. Бабушка, когда рассказывает, как белый лис ее прятал, всегда вспоминает, что у него были белоснежные зубы. Как у очень юного зверя. Не молочники, конечно. Просто очень молодые зубы. А вы говорите, что человеческий облик – это костюм. Может быть Сиро-сан – молодой кицунэ, а вид пожилого человека принял нарочно? И если так, то сколько ему теперь лет?

– Немногим больше, чем было во времена юности твоей бабушки, – сообщил Тора. – А если он редко обращался в лиса, то так и остался юным зверем.

– Вообще нелинейная зависимость время-возраст, да? – неприятно изумился Миура.

Тора кивнул.

– Как всё запущено, – проговорил Миура и тяжело вздохнул.

Тора и Юдзо добродушно посмеялись.

– Погоди, еще напишешь трактат о возрасте хэнгэ, – подсказал Тора.

– Угу, в журнал для дошкольников, – Миура устался в спинку водительского кресла.

– Сейчас – да. А потом – кто знает!

– Даже если уже кто-то всё знает, людям информацию не дадут, – сказал Миура.

– Почему же? – заинтересовался Тора.

– Потому что вы намного сильнее людей. И если люди узнают, что ёкаи живут рядом, начнут бояться. Как наша соседка собак боится. Вечно ругается с другой соседкой. Мол, ваша собака кого-нибудь когда-нибудь покусает. А собака – золотой ретривер. Это добрейшее существо и по стандарту породы, и по факту. А соседка не понимает ни человеческих слов, ни собачьего поведения. Собака ей из-за калитки улыбается, а она видит зубы и сразу вывод – покусает.

– Увы, глупцов хватает во всех расах и во всех мирах, – Тора грустно усмехнулся. – А ты действительно считаешь, что ёкаи сильнее людей?

– Еще бы! Вон что вы сегодня на фестивале выделяли.

– Но ведь Акико – не ёкай. Она нормальный человек – сильный, целеустремленный. А я только помог ей сделать номер.

– Да? – Миура призадумался. – Ну... А Маракайто-сан?

– Он человек.

– Он такой внимательный и чуткий, – пробормотал Миура, глядя в потолок, будто рассматривал фотопортрет обсуждаемой персоны.

– Этак ты в ёкаи и свою маму запишешь за то, что уговорами лечила собак, – заметил ему Тора.

– Не. Мама – это мама. Она просто очень животных любит. И они ее любят.

– Так и где же принципиальная разница в силе человека и ёкая? – Тора прищурился.

Миура хмыкнул, спрятав улыбку в полных щеках, и ответил.

– В частоте случаев. У ёкаев особая сила стопроцентно встречается, а у людей – хорошо если раз на сотню.

– Это потому, что большинство людей уверены в невозможности существования своей силы, – сказал Юдзо. – Приехали.

В узком проулке между торцами двух четырехэтажных домов, куда указал Юдзо, Тора не почуял никакой четвероногой живности, зато в изобилии присутствовали запахи алкогольных «факелов», обильной косметики и едкого химиката вроде клея или краски.

– Кто-то спугнул, – шепотом сообщил Тора. – И, кажется, совсем недавно...

Он потянул носом за еле различимым кошачьим духом.

– Совсем недавно, – подтвердил Юдзо и недобро посмотрел вдоль по улице.

На другом ее конце перед перекрестком хохотали несколько молодых людей обоих полов в броских аляповатых костюмах.

– Он тут, тут! Вон он! – возбужденно зашептал Миура, указывая за кустарник перед балконами первых этажей.

Даже Тора не сразу отыскал взглядом крошечный серый комочек, забившийся в глухую щель между цоколем и водосточным сливом.

– Подожди, подзову, – шепнул он однокласснику.

Но Миура, как зачарованный, ринулся напролом прямо сквозь кусты.

«Прикрывать будешь?» – осведомился Юдзо, поглядывая на освещенные окна первого этажа.

«Может, и так не заметят, – Тора повел ушами; в квартире, угол балкона которой находился как раз над убежищем котёнка, началось активное движение. – Пока из-за занавески высматривают. Миуру с той позиции не видно».

«А тебя с твоим хвостом?»

Тора спохватился: выскочил из машины в истинной форме.

«Да ладно. Вон тут какие тыквоголовые шлялись с мертвяками в обнимку», – заявил он и бесшумно прыгнул через кустарник и газон на бетонную отмостку под цоколем.

Миура тем временем вел переговоры с перепуганным котёнком, стоя на четвереньках перед его укрытием. Тора остановился в двух шагах от одноклассника, но тщательно скрыл свой дух от четвероногого малыша, дабы не мешать процессу знакомства. Внимание его было сосредоточено на балконном окне. Личность жильца квартиры он вычислил по запаху – пожилая женщина, одинокая и в данный момент рассерженная. Очевидно, нашествие ряженой молодежи взвинтило ей нервы. Набрасывать ауру скрытности сейчас, значило отсечь Миуру от его «собеседника». Воздействовать магией на кошачьего ребенка Тора не хотел, дабы не причинить вред психике зверька. Оставалось лишь надеяться, что котёнок пойдет в подставленную ладонь до того, как старушка начнет открывать балконную дверь.

Котёнок сделал два шага на полусогнутых к человеческой руке. Миура затаил дыхание. Тора тоже, поскольку хозяйка квартиры взялась за дверную ручку.

Еще шаг.

Заскрипела дверь.

Тора понимал, что торопить котёнка сейчас нельзя ни в коем случае. Поэтому зажался, лишь бы невзначай не упустить свой запах из-под вуали.

– Что за молодежь пошла! А ну прочь отсюда! – раздался из-за двери довольно громкий старческий голос, и старушка стукнула тростью об кафельный пол балкона.

Котёнок распушил тощий хвост, ставший похожим на морковку, и... кинулся напрямиком на грудь Миуры.

Тора облегченно вздохнул.

– Простите, пожалуйста, – дрожащим от волнения голосом откликнулся Миура, прижав полосатый комочек к себе обеими ладонями.

Старушка, видимо, поняла, что побеспокоили ее на сей раз другие представители несносной молодежи, но ни тон, ни тему не сменила. Миура и Тора выслушали ее мнение и о гадком маскараде, и о неуважительном отношении к старшим, и об испорченном поколении вообще. Выступление оборвалось на полуслове, когда старушка увидела в руках Миуры дрожащего зверька, и возобновилось по новой теме – издевательство над животными.

– Послушайте, пожалуйста, – попросил Миура. – Я всего лишь хочу забрать его домой. Он же ничей.

– Куда тебе этот блошинный рассадник? Мать выкинет на улицу, и опять будет ничей!

Теперь Миура рассердился.

– Зачем вы так говорите о людях? Вы ведь не знаете мою маму!

Старушка, наконец, изволила посмотреть на собеседников, заметила Тору, напряженно прищурилась и, убедившись, что глаза ее не обманывают, буркнула что-то про «приличный наряд».

– Я заберу кота, – объявил ей Миура.

– Ой-да бери, бери, – отмахнулась она. – Надоели уже своими криками. Так голосили, что я им и рыбу, и даже спецкорм покупала.

– Где его мама? – быстро спросил Тора.

– Кто ж ее знает! Уже дня три не слышать никого, – старушка повернулась к двери. – Может, забрал кто добрый, вроде вас. А может сосед шеи свернул. Давно обещал. Не только мне тут спать мешали.

Блошиный вопрос Тора решил в два счета: собрал всех блох в кулак и накрыл заклинанием уничтожения. Миура на глаз определил возраст и пол спасенного малыша: кот, 25-30 дней отроду. А Юдзо, остановив машину возле ближайшего продуктового магазина, сходил за кошачьим кормом. Изголодавшийся котёнок накинулся на еду с рычанием и мурчанием, перемазался сам, испачкал руки и брюки Миуры, кормившего его с ладони, а, насытившись, пополз на колени Торы.

– А я-то думал, он к тебе сразу кинется, – сказал Юдзо, с интересом наблюдая за маленьким котом.

– С чего это вдруг? – Тора аккуратно взял котенка в ладони. – Родственного ему запаха на мне нет. А сейчас он ко мне полез, потому что у меня на коленях теплее.

Он передал полусонного зверька Миуре, и тот принялся спешно расстегивать куртку, дабы спрятать полосатого друга в складках фланелевой подкладки.

– Укутай, – Юдзо снял с шеи шарф из тонкой серой пряжи и протянул Миуре.

– Он чумазый, а умываться пока не умеет, – сконфузился тот.

– Не проблема. Это ему в подарок.

– Спасибо большое, – пробормотал Миура и аккуратно завернул котёнка в теплое кашне.

– Как назовешь? – спросил Юдзо.

– Уммэй, – не задумываясь, ответил юноша.

– Судьба? – переспросил Тора.

Миура кивнул.

– Мы с ним друг для друга – судьба, – добавил он.

Юдзо остановил автомобиль перед решетчатой калиткой небольшого частного дома в трех кварталах от школы, но от приглашения зайти в гости вежливо отказался в один голос с Торой.

– У тебя сейчас и без гостей будет много разговоров, – сказал Тора однокласснику. – Увидимся в понедельник в школе.

Миура пробежал по короткой дорожке до дверей и оттуда помахал на прощание свободной рукой.

– Садись, поехали, – поторопил брата Юдзо, открывая водительскую дверцу, проводил взглядом пятнистый хвост, пока Тора обходил машину со стороны капота, и добавил. – Может хватит маскараров? На тебя из окна смотрят.

– Смотрят на тебя, – поправил Тора. – А разгуливать по улицам в истинной форме, оказывается, очень приятно.

Он устроился за переднем пассажирском сидении, но прежде, чем машина отъехала от тротуара, услышал далеко за стенами дома торопливый голос Миуры: «Бабуля, это не Сиро-сан. Это другой хэнгэ-кицунэ. А Сиро-сана они не знают!»

– Интересно, что нам теперь скажет папа? – задумчиво изрек Юдзо, вырвав из квартала частных домишек на широкий проспект.

– По-моему, папа в восторге, – отозвался Тора, пристраивая хвост на коленях.

– Будем разыскивать лиса-оборотня по имени Сиро Кирью?

– Вероятность успеха невелика. Если бы он до сих пор жил в Японии, папа так или иначе с ним бы уже пересекся.

– Но открытку он прислал всего 15 лет назад, – напомнил Юдзо. – Думаешь, прямо из мира обакэ?

– Вряд ли он силен настолько, что создал направленный портал. Скорее уж написал из заграницы... Юдзо, куда ты так гонишь?

– Домой. Папин восторг того гляди превратится в отцовский гнев. Мы сказали, что всего

лишь проводим Акико с ее мамой, а сами пропали на полтора часа.

Тора поспешно полез в карман за мобильником, но аппарат не обнаружил.

– Позвони, – не глядя на брата, предложил Юдзо. – Лучше поздно, чем никогда.

– Мой аякаси остался у Маракайто. С твоего позвоню. Отправь его ко мне, – Тора похлопал ладонью по бедру.

– Ничего не выйдет. Мой тоже у Маракайто.

Тем временем в фойе перед домашней столовой глава Дома буравил выразительным взглядом пунцового, как помидор, секретаря старший сыновей, суматошно разыскивавшего по карманам пиджака свой мобильник.

– Я сейчас, Накадзима-сама, я им дозвонюсь. Один момент, – бормотал Маракайто. – Один момент... не тот. Ой, простите. Секундочку... Батто, это не твое дело, вернись на место!.. Тоже не тот. Ах, вот он!

Он быстро пощелкал по кнопкам.

– Один момент, Накадзима-сама, сигнал уже пошел...

Из правого кармана раздался вызывающий перезвон мобильника. Маракайто вздрогнул, уставился на дисплей своего аппарата и покрылся белыми пятнами, осознав, что мобильник вызываемого абонента ответил ему из его же собственного пиджака.

Глава Дома усмехнулся и покосился на сыновей. Ичиро торопливо отвернулся к окну, Хирото непонимающе смотрел то на Като, то на Фуму, дружно подавившихся смехом. Рику повел бровью, будто хотел сказать – это только начало.

– Ой, простите, я, кажется, забыл отдать мобильник Торе-сама, – пролепетал несчастный секретарь и принялся спешно выбирать второй номер. – Один момент, Накадзим-са...

Из левого кармана послышалась приятная музыка, сопровождавшая вызов...

А в салоне автомобиля продолжался разговор.

– Это всё твоя дурацкая манера – вешать связь на секретаря, – заявил Юдзо.

– А кто тебя просил мне подражать? – Тора всячески давил смех.

– Подражать? Да ты просто заразный, – Юдзо быстро глянул на брата.

Тон его остался прежним – ворчливо-обиженным, но в лисьих глазах блеснул смех.

– Да здравствует новый семейный анекдот, – попытокнул Тора и тихо рассмеялся.

– Я будто в натуре слышу, как Ичиро ржет впокатку, – сообщил Юдзо и тоже засмеялся.

Бело-серебристый автомобиль с токийскими номерными знаками мчался по полупустым шоссе Западного Токио к возвышавшейся над ландшафтом низкой лесистой горе, над восточным склоном которой мерцало едва различимое сияние магического барьера.

<Конец второй части текстового сериала «Снежный Барс»>